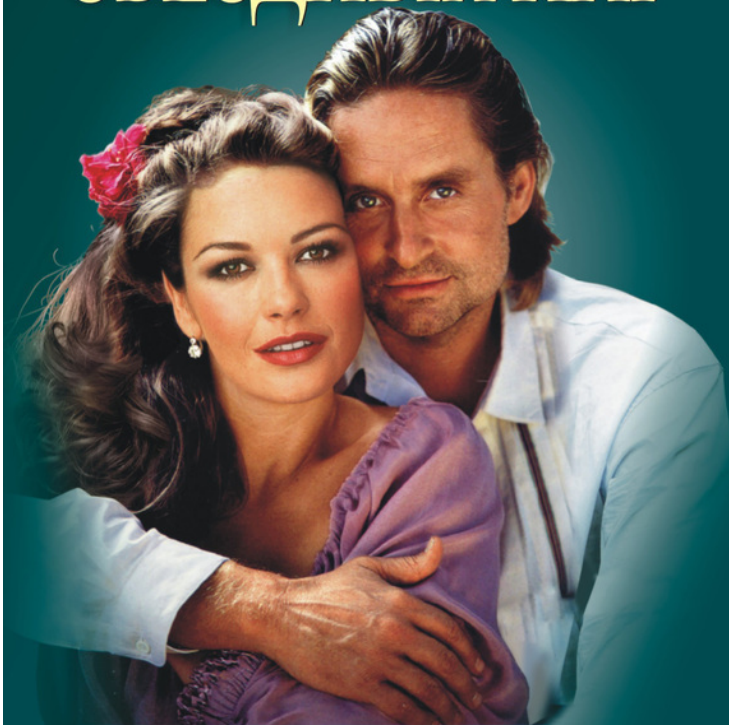

50

ЗНАМЕНИТЫХ
ЗВЕЗДНЫХ ПАР

Мария Щербак
Нина Михайловна Костромина
50 знаменитых звездных пар
Серия «100 знаменитых»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4926001

50 знаменитых звездных пар: Фолио; Харьков; 2006

ISBN 966-03-2204-6

Аннотация

Неиссякаемый интерес к жизни звездных пар служит живительным источником для всевозможных СМИ, которые исправно снабжают своих потребителей сенсациями — настоящими и вымышленными. А порой и сами звезды в целях рекламы подбрасывают прессе легенды собственного сочинения. И тут уже трудно понять, где правда, а где вымысел. Авторы этой книги предлагают читателям самим в этом разобраться. Излагая те или иные факты семейной жизни знаменитостей, они стремились быть объективными, не выказывая симпатий к кому-либо из супругов. А еще авторы старались показать браки различного рода: счастливые (как у Раисы и Михаила Горбачевых) и не очень (как у Наташи Королевой и Игоря Николаева), скандальные (как у Майкла Джексона и Лайзы Марии Пресли) и образцово-показательные (как у Майи Плисецкой и Родиона

Щедрина), длинные, как жизнь, и короткие, как театральный сезон...

А может, все же прав популярный певец и композитор Игорь Николаев, который признался как-то журналистам: «Лично я не знаю ни одной счастливой звездной пары. Публичные сходы, разводы убивают любовь, уж поверьте моему горькому опыту»?.. Но так не хочется ему верить...

Содержание

От авторов	5
ЛЕОНИД АГУТИН И АНЖЕЛИКА ВАРУМ	8
ВУДИ АЛЛЕН И МИА ФЭРРОУ	24
НАТАЛЬЯ АНДРЕЙЧЕНКО И	40
МАКСИМИЛИАН ШЕЛЛ	
МАРИЯ АРБАТОВА И ОЛЕГ ВИТЕ	56
БЕЛЛА АХМАДУЛИНА И БОРИС МЕССЕРЕР	72
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Мария Щербак, Нина Костромина

50 знаменитых звездных пар

От авторов

Издавна считалось, что браки заключаются на небесах. Может, и так. Хотя на этот счет существуют и другие мнения. К примеру, поэт Владимир Жемчужников утверждал, что «супружество – это вольный союз двух людей, всю жизнь борющихся за свои права и независимость». А другой представитель русской литературы – Николай Лесков с грустью констатировал: «Едва ли в чем-нибудь другом человеческое легкомыслие чаще проглядывает в такой ужасающей мере, как в устройстве супружеских союзов. Говорят, что самые умные люди покупают себе сапоги с гораздо большим вниманием, чем выбирают подругу жизни». Возможно, это было сказано с оглядкой на собственный опыт – писатель был несчастлив в браке.

А когда узы супружества соединяют людей неординарных, одаренных и знаменитых, каждый из которых является лич-

ностью творческой, обладающей своим особым, духовно и эмоционально насыщенным миром, совместная жизнь оказывается еще сложнее. Отношения супругов в таком союзе усугубляются и напряженной работой, и частыми отъездами, и отсутствием размеренного образа жизни. Кроме того, все они, как правило, являются представителями публичных профессий – актерами, художниками, политиками, спортсменами – словом, теми, кто постоянно находится на виду у огромного количества людей. Порой это пристальное внимание широкой публики не дает им покоя ни днем, ни ночью: каждый шаг и каждая встреча фиксируется сотнями, а то и тысячами посторонних глаз. Назойливые поклонники, сплетни, домыслы... Какая уж здесь личная жизнь? Недаром популярный певец и композитор Игорь Николаев сокрушенно признался журналистам: «Лично я не знаю ни одной счастливой звездной пары. Публичные сходы, разводы убивают любовь, уж поверьте моему горькому опыту».

Неиссякаемый интерес к жизни звездных пар служит живительным источником для всевозможных СМИ, которые исправно снабжают своих потребителей сенсациями – настоящими и вымышленными. А порой и сами звезды с целью рекламы или чтобы лишний раз напомнить о себе поклонникам, «подбрасывают» прессе легенды собственного сочинения. И тут уже трудно понять, где правда, где вымысел. Авторы этой книги предлагают читателям самим разобраться в этом. Излагая те или иные факты семейной жизни зна-

менитостей, мы стремились быть объективными, не выказывая личных симпатий или предубеждения к кому-либо из супругов. А еще старались представить различного рода браки: счастливые и неудачные, скандальные и образцово-показательные, долгие, как жизнь, и короткие, как театральный сезон. Есть среди них и новые, небывалые модели семейных отношений, и мелодраматические любовные треугольники, и так называемые браки по расчету, которые, подобно лифту, призваны поднять супругов на вершины социального и материального положения.

Но, независимо от характера семейных отношений, история жизни каждой звездной пары освещена ярким светом творческой индивидуальности и таланта супругов, насыщена многими удивительными событиями и потому особенно интересна и увлекательна.

«Успешный брак – это здание, которое нужно ежедневно перестраивать», – говорил Андре Моруа. А поскольку жизнь земных звезд гораздо стремительнее жизни звезд небесных и ее перестройка чаще всего начинается с поиска нового партнера, то возможно, в супружеских парах, представленных в этой книге, вскоре появятся иные имена. Но это уже будут совсем другие истории...

ЛЕОНИД АГУТИН И АНЖЕЛИКА ВАРУМ

Популярные российские эстрадные певцы, составившие на удивление гармоничный творческий и семейный дуэт, в котором каждая половина остается яркой индивидуальностью.

Не так давно «босоногий мальчик» признался назойливым репортерам: «На истории “Анжелика Варум и Леонид Агутин”, чего там греха таить, зарабатываются деньги. Мы

же много даем совместных концертов. И многие люди ходят на них не потому даже, что им нравятся наши песни, а во многом для того, чтобы просто посмотреть, как это мы вместе держимся, будем ли целоваться-обниматься, будет ли кровать на сцене стоять и т. д. То есть зрители на нас смотрят, как на такой продолжительный телесериал. И понимая это, мы сознательно на это идем. Хотя жить вместе мы стали не потому, что зарабатываем вместе деньги. А потому, что это любовь – и все. И ничего нельзя было с этим поделать...»

Еще когда о существовании Рики Мартина и Энрике Иглесиаса у нас никто не подозревал, а о Карлосе Сантана почти забыли, Леонид Агутин практически в одиночку внедрил жгучие латиноамериканские ритмы на российскую эстраду. Странно, что сейчас, когда «латино-бум» крушит все на своем пути, никто не переиздает его альбомы и не показывает на MTV. Правда, сам исполнитель не любит музыкальных рамок и именуется своим стилем смешением оных или заграничным словом «фьюжн». А еще он мечтает получить премию Grammy: «Чтобы Элтон Джон подошел ко мне, похлопал по плечу и сказал: “Молодец, старик, клевую музыку пишешь!”»

Леонид родился в Москве 16 июля 1968 г. в довольно обеспеченной семье. Его отец, Николай Петрович Чижов, работал администратором у Аллы Пугачевой, в ансамблях «Цветы», «Веселые ребята», «Поющие сердца». Как вполне показательный пример «закулисного» ребенка, Леонид по-

ловину своего детства провел в гастрольных поездках со своими родителями. Затем он окончил музыкальное училище, джазовую студию «Москворечье», учился на журфаке, окончил режиссерский факультет ВГИКа. Потом отслужил в рядах Советской Армии: частично – на северо-западной границе, частично – в Ансамбле песни и пляски.

Сольная певческая карьера Агутина началась на популярных и престижных тогда конкурсах молодых эстрадных исполнителей. После удачного дебюта в телепрограмме «Звездный дождь» он получил первую премию Ялтинского конкурса в 1992 г. за песню «Босоногий мальчик», а годом позже стал лауреатом «Юрмалы-93». Прошло совсем немного времени, и Леонид удостоился уже первой «взрослой» награды – «Овации» – как «лучший исполнитель в жанре популярной музыки 1995 года». Поводом для такого определения стала первая сольная программа певца и его постоянной группы «Эсперанто», показанная в январе того же года в спортивном комплексе «Олимпийский». Сольные программы, как выяснилось впоследствии, не были самоцелью в карьере исполнителя. Следующие его сольные концерты с программой второго альбома «Декамерон» прошли в ГЦКЗ «Россия» в 1997 г.

Леонид сам пишет музыку для своих песен, является сам себе пианистом, гитаристом и аранжировщиком. Если для дебютного альбома тексты написал известный поэт-песенник Герман Витке, то уже со второго диска Агутин пере-

шел на полное самообслуживание. Из «чужих» вещей он исполняет только полюбившиеся публике номера из музыкально-новогодней трилогии «Старые песни о главном» – «Песенку шофера» и «Я прошу, хоть ненадолго». Но тем не менее Леонид как автор сотрудничал с коллегами по сцене. Лаймой Вайкуле, Филиппом Киркоровым, Сосо Павлиашвили.

Агутин дважды использовал западный опыт – работу по спонсорским контрактам. Первый был заключен в 1995 г. с джинсовой фирмой Diesel, при содействии которой прошли его дебютные сольные выступления, второй – с Домом Готье, производителем всемирно известного французского коньяка Gautier. Эти инвесторы поддержали выпуск его второго сольного диска. Молодой музыкант оказался на диво ответственным партнером: и до заключения контрактов и после их окончания он предпочитал демократичную одежду на сцене и в жизни, а коньяк – всем остальным алкогольным напиткам.

«На алкоголе погорело очень много творческих людей, – считает Агутин, – и я понимаю почему. Надо уметь отдыхать и от этого тоже. Но совсем не пить не получается... Создание нот и их исполнение – вещь интимная. Творчество вообще очень интимная штука. Иногда я бью себя по голове и говорю: ты гений, чувак. От каких-то двух нот. А иногда я говорю себе: ну ты придурок! Конченный! Неисправимый! Бывает, что пишешь быстро, в течение пяти минут, вместе

со словами. Разом. А потом мучительно часов пять доделываешь какую-нибудь одну строчку. А бывает, посидишь-посидишь за инструментом — и ничего... Или вот ты написал песню и, пока ее записывал, сводил, репетировал, возил на гастроли, спел ее восемь миллионов раз. И на восемь миллионов первый раз на очередном концерте тебе делается тошно. Мозгами ты понимаешь, что это отличная песня. Но хочется уже идти дальше!..»

Несмотря на почти одиннадцатилетний эстрадный стаж, Агутин выпустил всего три сольных альбома. Поспешно заключенный контракт с компанией «Синтез рекордз», издавшей дебютный диск «Босоногий мальчик», оказался не очень выигрышным. Но по условиям договора свою вторую пластинку «Декамерон» Леонид тоже выпустил на этой фирме. Оба альбома, вернее, песни из них, пользовались и пользуются успехом: «Парень чернокожий», «Кого не стоило бы ждать», «Никому не сестра», «Пароход», «Оле-оле», «Все куда-то девалось»... Последний его диск «Летний дождь» увидел свет в 1997 г., после чего автора и исполнителя популярных шлягеров захватили совсем иные заботы...

Яркого, мужественного певца с достаточно высоким уровнем интеллекта частенько записывали в новые «секс-символы», ему приписывали многочисленные романы, хотя сам он о своей личной жизни не распространялся. Даже биографическую книгу о «босоногом мальчике» написал не он сам, а его мама Людмила Леонидовна. Но в 1997 г. достоянием

широкой общественности стал зарождающийся роман музыканта Леонида Агутина и певицы Анжелики Варум. То, что сочли рекламной кампанией дуэтной композиции «Королева» и совместного гастрольного тура, 9 февраля 1999 г. обернулось рождением дочери Елизаветы.

Ее мама Анжелика (настоящее имя которой Мария) родилась в 1969 г. во Львове в семье композитора, аранжировщика и продюсера Юрия Игнатьевича Варума и театрального режиссера Галины Михайловны Шаповаловой. Родители постоянно гастролировали, и девочку воспитывала бабушка. В доме всегда звучала музыка, причем самая разнообразная – от классической до джаз-рока. Как вспоминал отец будущей певицы: «Ребенок много слушал, все понимал, а иногда даже становилось страшно от степени этого понимания. Анжелика отрывалась от своих занятий, реагируя на то произведение, которое нравилось мне. Казалось, она не впитывает, как все дети, но знает все услышанное с рождения, будто ей это генетически передалось каким-то образом».

Маша получила домашнее музыкальное образование – папа был категорически против советской музыкальной школы, считая, что она ограничивает свободу творческого мышления. В результате девочка села за фортепьяно в 5 лет, а чуть позже взяла в руки гитару и уже в выпускных классах десятилетки ездила на гастроли со школьным театром, исполняя украинские народные песни и аккомпанируя себе на гитаре.

К окончанию школы у Марии появилась мечта стать драматической актрисой. Причем настолько сильная, что ей казалось, будто она без особого труда сможет сыграть так же, как Гундарева, Мирошниченко или Чурикова. Отец не вмешивался, поскольку был убежден, что человек должен учиться на своих ошибках. В Щукинское училище дочь не поступила, чему родители были несказанно рады. К провалу Мария отнеслась философски, но жутко обиделась, когда кто-то из приемной комиссии сказал: «Все хорошо, деточка, но у тебя украинский акцент».

Юрий Варум не дал пропасть дочери, взяв ее в свою студию в качестве бэк-вокалистки. Справлялась она со своими обязанностями превосходно. И кто знает, как сложилась бы судьба Марии и кем бы она была сейчас при своей неумеренной энергии, если бы не случай.

Однажды отец написал песню «Полуночный ковбой» для какой-то певицы из Средней Азии, которая должна была приехать на фестиваль в Юрмалу. Конкурсантка не появилась, а песня, напетая дочерью, осталась. Немного позже студия «Союз» выпустила сборник популярных шлягеров и включила в него «Ковбоя». Кассеты разошлись бешеным тиражом: так в 1990 г. на эстрадном небосклоне появилось новое имя – Анжелика Варум.

Почему начинающая певица решила взять псевдоним, она объясняла так: «Мария – библейское имя, а эстрада и популярная музыка – вещь довольно легкомысленная, мне не

хотелось их соединять. К тому же второе имя появилось не случайно: бабушка в детстве называла меня ангелом, но поскольку она часто путала русские, украинские и польские слова, это часто звучало как «энжел мой». Отсюда и Анжелика».

В том же 1990 г. ее пригласили принять участие в сборном концерте на площадке одного из самых больших залов России – «Олимпийского». Когда она вышла на сцену с «Ковбо-ем», все тинэйджеры стали ей подпевать. В тот момент она подумала: «Кажется, я звезда...» Кстати, костюм для этого выступления Анжелика сшила сама за одну ночь. Из шикарной персидской ткани «под леопарда» певица соорудила себе пикантную мини-юбку, добавила кричаще-желтую майку и экстравагантные гетры и в таком виде появилась перед публикой.

Дебютантка работала не покладая рук. Ее первый альбом «Гуд бай, мой мальчик» вышел уже в следующем году и имел большой успех. Так же в считанные дни разошелся тираж следующего альбома «Ля-ля-фа», который увидел свет в 1993 г. В него вошла композиция с одноименным названием и еще одна, ставшая не менее популярной: «Художник, что рисует дождь», а песня «Городок» с тех пор непременно звучит на каждом выступлении. После выхода альбома в свет за Анжеликой закрепилось прозвище «Мадемуазель Ля-ля-фа». Диск 1995 г. «Осенний джаз» был удостоен премии «Овация» как лучший альбом года, его исполнительни-

да названа лучшей певицей года, а одноименный клип – лучшим клипом года. В том же году вышел альбом «Избранное», который стал подведением итогов пяти лет на сцене.

В пятый диск «В двух минутах от любви» вошли две композиции, на которые режиссером Олегом Гусевым были сняты самые интересные клипы Анжелики Варум: «Ни ответа, ни привета» – так называемый «серебряный» клип и «Не сегодня» – первый в России прецедент сочетания живых героев и мультипликационных. Знаменитая «Зимняя вишня» была навеяна одноименным телевизионным фильмом и перекликалась с ним по сюжету. Премьера концертной программы певицы прошла в 1996 г. в Октябрьском зале Санкт-Петербурга и с первого раза была принята овациями, что бывает очень редко с новой программой.

В 1997 г. сбылась заветная мечта Анжелики сыграть в театре. Режиссер Леонид Трушкин пригласил ее в спектакль «Поза эмигранта» по произведению израильской писательницы Ганны Слущки «Банкир». Варум досталась роль проститутки Кати, приехавшей из Украины и вынужденной заниматься продажей своего тела. И тут украинский акцент оказался как нельзя кстати. Работала Анжелика вместе с такими знаменитостями, как Л. Гурченко, Е. Симонова, А. Джигарханян. Она играла в спектакле вплоть до рождения дочери.

Раньше певица, которую поклонники называют хрустальным голосом российской эстрады, обожала в свободное вре-

мя читать Э. М. Ремарка, причем исключительно под музыку Бьорк. Оторвать ее от этого занятия могли только два йоркширских терьера – Максик и Ляля. Псина Ляля оказалась очень талантливой и еще щенком снималась вместе с хозяйкой в ее клипах. Жили собаки безбедно и были вполне довольны своей судьбой, но с рождением дочки в доме все изменилось. Теперь в нем главенствует маленькая Лиза.

Елизавета появилась на свет, когда Анжелика и Леонид еще не были женаты. Их совместная творческая и семейная жизнь началась в середине апреля 1997 г., когда Агутин пришел в дом Варум с огромным букетом и предложением о совместной деятельности: «Изначально это был такой продюсерский ход. “Леня, может, дуэтом с кем-нибудь споешь?” – признавался потом Леонид. – Нет, мне всегда нравилась Анжелика, но у меня была такая бурная рок-н-рольная жизнь, и я даже не думал, что близко когда-нибудь подступлюсь к этой девочке, буду голову морочить этому цветочку...»

В отличие от него, Варум давно обратила внимание на «босоногого мальчика». Несмотря на то что они довольно долгое время «варились» в одной среде и, казалось, не обращали друг на друга внимания, взаимная симпатия была, конечно же, с самого начала: «Когда Агутин только появился, то и по музыке, и по текстам песен я сразу поняла: это “мой” человек».

Первые полгода они просто работали вместе, не будучи даже любовниками. Леонид принес несколько песен, выбра-

ли «Королеву», записали и сняли клип... Далее отношения нового творческого дуэта, судя по рассказу Агутина, стали приобретать другой характер. Когда про них начались «всякие статьи в газетах, мы сделали вывод – ага, покатило! На гастроли мы ездили каждый со своим коллективом, жили, естественно, в разных номерах... Могу сказать, что мне понравилось быть рядом с этой женщиной сразу. Месяца через два совместных концертов я стал понимать, что мне ее не хватает – я должен обязательно позвонить, увидеть... Звонил: «Поедем, Анжелика, я тебе пару ударов на бильярде покажу...» Стал ухаживать, чего не делал очень давно и к чему уже достаточно цинично стал относиться».

Дело в том, что Агутин до встречи с Варум уже успел приобрести опыт мужа и отца. Его первая любовь продолжалась целых восемь лет, а в 1988 г., будучи еще студентом, он повстречал другую девушку – Светлану – и тут же женился на ней. Супруга весьма высоко ценила режиссерский талант мужа, но часто упрекала его в композиторских амбициях, не понимая, что песня и была для Леонида тем единственным спектаклем, который он хотел создавать. Их брак длился около пяти лет – несмотря на то что Светлана была старше Леонида на три года, ее увел его еще более молодой друг. После этого в личной жизни певца все пошло кувырком. Были мимолетные влюбленности в Наташу Королеву, Ани Лорак, пока однажды в Париже Агутин не увидел Марию Воробьеву, балерину Большого театра. Следующая их встреча

произошла в Сочи, где Мария отдыхала, а Леонид работал. После концерта Агутин назначил ей свидание, а затем они стали жить в гражданском браке, в котором родилась дочь Полина. Несмотря на то что отец души не чаял в малышке, она не смогла удержать своих родителей от разрыва отношений и сейчас вместе с матерью живет в Италии.

А зимой 1998 г. Агутин вел себя как мальчишка, рассказывал анекдоты, вставал на голову, постоянно старался рас смешить Анжелику: «Полгода я ухаживал, а потом, когда можно было попробовать сделать какие-то серьезные шаги в плане совместного житья, я сам вдруг стал стесняться, поскольку не понимал, что со мной происходит. Не знал, как подступиться вообще... Прямо 13 лет! А потом, когда все уже началось, следующие полгода мы просто замкнулись, сняли квартиру и никому не рассказывали, даже самым близким, что мы вместе, полгода мы не давали ни одного интервью – боялись спугнуть наши чувства». Леонид просто обманывал своих друзей: «У меня лежал мобильный телефон на тумбочке, мне звонил утром директор и говорил: “Ты где, я тебе домой звоню, а там никто не отвечает”. Я говорю: “А я в городе уже, по делам езжу...” А он: “По каким делам, 10 утра! Когда это ты в это время дела делал?” – “Ну, так решил пораньше встать...” То есть конкретно врал».

Когда эта история перестала быть шоу-бизнесом, а стала личной жизнью, им расхотелось туда кого-то пускать. А потом... Потом стало ясно, что будет ребенок. Было мнение,

что, может, так и продолжать скрывать, на что Агутин сказал: «Секундочку, как это? А ребенок от кого? Извините! Это моя женщина, мой ребенок, и скрывать это мы больше не будем». Он вспоминал, какие у них тогда были замечательные гастроли: «Беременные концерты. Великолепное время! Анжелике, правда, было тяжело, но мы все старались ее беречь. Она выходила на сцену с животом, платья специальные были сшиты... Это было настолько трогательно!...»

В период ожидания ребенка Леонид каждый день приносил любимой цветы, игрушки, шоколадки и сувениры. Признавался Анжелике в любви и уверял, что она самая лучшая и неповторимая женщина на всем белом свете. Не давал повода для ссор. В день родов он сидел у телефона и ждал звонка, рассудив, что «слабонервным» лучше не присутствовать при самом событии. Когда Анжелика родила девочку, счастливый отец выложил цветами под окнами палаты: «Я тебя люблю».

В том же году молодая мама нашла в себе силы подвести итоги своей 10-летней концертной деятельности, выпустив альбом «The Best». В это же время состоялся ее дебют в кинематографе, Анжелика снялась в одной из главных ролей в фильме Василия Пигула «Небо в алмазах». В этот период Агутин посвящал все свое время своим любимым женщинам – воспитывал дочку и писал авторский альбом для ее мамы. Запись диска, получившего название «Служебный роман»,

завершилась весной 2000 г., а с одноименной программой Анжелика и Леонид проехали по стране и появились на сцене ГЦКЗ «Россия». В июле того же года молодые зарегистрировали свой брак и совершили свадебное путешествие в Венецию. Итогом явилась новая совместная программа «Половина сердца».

Времени, которое супруги проводят с дочерью, достаточно, наверное, для нее сейчас, но недостаточно для того, чтобы удовлетворить «комплекс вины» Анжелики: «...иногда мне кажется, что в те или иные моменты мне лучше было бы быть рядом с ней, хотя на самом деле я знаю: не лучше. Например, когда ребенок капризничает, мне точно лучше быть в стороне. Потому что, поскольку я вижу ее редко, не могу позволить себе резко начать ее воспитывать. Мы, получается, из-за гастролей такие приходящие родители. Но наш авторитет культивируется бабушкой и дедушкой... Вообще, жениться лучше в сознательном возрасте, а детей рожать, наоборот, в бессознательном. Все легче тогда – и воспринимается, и переносится».

Ни для кого не секрет, что крепкие браки между актерами или музыкантами – история довольно редкая. Эмоциональный фон зашкаливает, усталость и раздражение растут в геометрической прогрессии. И молодожены согласны с тем, что такая проблема действительно существует, но, «когда она доступна твоему пониманию, ее легко устранить». Анжелика считает, что главное – это знать причину: «Если ты по-

нимаешь, что сейчас не время обсуждать какие-то вещи, ты их просто не обсуждаешь. У супругов, у людей, которые дорожат друг другом, обычно сильно развита интуиция, и какие-то щепетильные моменты сглаживаются... Кроме того, нам очень повезло, что мы поженились уже в сознательном возрасте. Я думаю, еще лет пять-семь назад мы не то что не в силах были бы сохранять свой семейный очаг – мы просто не знали бы, зачем это делать».

Сейчас Анжелика знает, зачем ей нужен свой дом: «Это мощный тыл. Для меня это очень важно. Мои родители поженились, когда им было по 18 лет, и у них не получилось сохранить семью. У женщин на этот счет в юности слишком много иллюзий, а у мужчин нет терпения переносить женщин с большим количеством иллюзий. Можно даже слово “иллюзии” заменить на “веру в чудеса” – так красивее... Лёня – очень терпеливый человек. Это безусловно. А я просто очень люблю свою семью и очень хочу ее сохранить. Мне кажется, этого достаточно. Во всем, что касается семьи, мое чувство ответственности безгранично...»

Вопреки прогнозам злопыхателей самая красивая пара российского шоу-бизнеса до сих пор не распалась. Они мирно и счастливо нянчат плод своей звездной любви – «замечательную дочку с бездонными глазами и чудесной улыбкой» – и выступают в совместном шоу. Недавно Агутин признавался журналистам: «Я безумно влюблен в свою жену. Я думаю, основная заслуга в нашей дружбе с Анжеликой (поми-

мо любви) – конечно, ее. Мы оба нетерпимые, эмоциональные люди, но она умудряется, будучи актрисой, певицей, человеком, стремящимся все сделать на высоком уровне, успевать быть женой. Любящей, понимающей, слушающей, ласковой. Она, какая бы ни была усталая, не позволит мне пойти на кухню – сама все приготовит. Я начинаю мыть посуду – она говорит: “Перестань, это мое дело”».

Анжелика уверена в своем семейном счастье: «Мне очень трудно заставить себя испытывать иллюзии по отношению к тому или иному человеку. Я в этом смысле как рентген. Я Леню видела насквозь. Сразу, с момента знакомства. Я сразу знала, кто он. Знала, на какие поступки он способен сейчас и будет способен через десять, двадцать лет. Я знаю его до самой смерти».

ВУДИ АЛЛЕН И МИА ФЭРРОУ

Союз знаменитого кинорежиссера и не менее известной актрисы поначалу казался соединением двух родственных душ. Но вскоре в нем все отчетливее стали проявляться патологические черты. Узнав о сексуальных домогательствах супруга по отношению к детям, Миа пережила глубокую психологическую травму и разорвала отношения с Алленом.

Обычно Вуди вытворяет в своем кино примерно то же, что и в жизни. Он – человек без запретов и принципов. Точнее,

с одним принципом: «Я – Вуди Аллен, я способен на все». Это самый тонкий, ироничный, антиголливудский режиссер Нового Света, скандалист и проказник, любитель инцеста и женщин. «Сладкий и гадкий», – как он теперь любит себя величать (фильм под этим названием стал фаворитом Каннского фестиваля). Сладкий Аллен – после триумфа очередного фильма. Гадкий – всегда. В буднях и повседневности. «Да, я гадкий, – заявил Вуди в одном из последних интервью газете “Фигаро”, – но без этого меня бы просто не было!»

Скандалы стали неотъемлемой частью его жизни: «Время такое. Нужно крутиться. А это невозможно делать смирно. У меня такая сложная профессия». Когда ему говорят, что он и в личной жизни не очень скромен, «живой классик» отвечает: «Да? Но в моей личной жизни всегда замешана любовь. С этим чувством я не могу бороться. Интересно, есть ли такие, которые могут? Наверное, нет. Они либо никогда не любили, либо не признаются. Человек, отказывающийся от чувства, – убогий. Я ни разу не отказался ни от одной женщины. Конечно, не всегда это была истинная любовь. Но всегда наслаждение. Мое кино – это плод моего наслаждения. Физического, прошу заметить. Без него и духовное не наступает».

Продюсеры борются за честь работать с ним, ибо знают, что всегда найдется 2–3 млн зрителей, желающих посмотреть его фильмы. К тому же самые знаменитые звезды соглашаются сниматься у Аллена за чисто символическую плату,

как бы подтверждая этим свою принадлежность клану интеллектуалов. Все это помогает элитарному режиссеру много лет удерживать незыблемые позиции в американском кино. Всецело отдаваясь кинематографу, Вуди не забывает и о литературе: им издано шесть юмористических книг. Кроме того, он систематически выступает как флейтист в джазовых клубах Нью-Йорка и за рубежом.

Знаменитый американский комедиограф Вуди Аллен (настоящее имя – Аллен Стюарт Кёнигсберг) родился 1 декабря 1935 г. в Бруклине, штат Нью-Йорк. Мальчик окончил обычную бруклинскую школу, где за малый рост и огромный нос девчонки называли его Вуди – что-то вроде «Обрубок» или «Буратино». Потом учился в городском колледже Нью-Йорка и один семестр на кинофакультете Нью-Йоркского университета, откуда его отчислили «за профнепригодность». Вскоре после того как Аллен в 1952 г. взял себе псевдоним, он сумел устроиться на телевидение, где начал выступать в комедийном «Шоу из шоу». Кроме того, он сочинял юмористические новеллы, писал пьесы и сценарии для телевидения.

Аллен перебрался в Нью-Йорк, когда ему не было и 20 лет, – без денег, без связей, зато с 16-летней женой Харлин Розен, которой тоже пришлось искать работу. Музыцирующая на фортепиано и увлекающаяся философией девочка сбежала от папы с мамой, поддавшись обаянию юного Кёнигсберга. Родители помочь сыну отказались. По их мне-

нию, юноша из приличной еврейской семьи сначала должен был получить образование, найти свое место в жизни и только после этого решаться на такой ответственный шаг, как женитьба. Кроме того, им совсем не нравилась стезя, которую выбрал их сын. «Комедиант – это не профессия, на это не проживешь, – философски заметил Мартин Кёнигсберг. – И если ты, Аллен, не способен просто принять это к сведению, учись на своем горьком опыте».

Но Вуди и не думал отступать. Кино захватило его воображение еще в раннем детстве, и он мечтал, что когда-нибудь будет ставить фильмы. Однако пока приходилось довольствоваться участием литературного «негра», пишущего шутки для популярных комиков – Боба Хоупа и Бадди Хэкетта. В 1957 г. Аллена «повысили» до редактора телешоу, попутно он сочинял тексты и выступал как актер. Первым успехом новоиспеченного актера стали выступления в дорогих ресторанах, куда часто нанимали комиков для развлечения посетителей. Колкие, остроумные шуточки неказистого на вид парня нравились публике. Он держался на сцене так, будто попал туда случайно, в первый раз, и понятия не имеет, что делать. Его реплики звучали как экспромты, а имидж настолько подходил к внешности, что неискушенные зрители и не догадывались, как тщательно все это было отработано – и милая нерешительность, и «оговорки по Фрейду», и нервозность, и ощущение спонтанности.

Однако в реальной жизни Аллен никогда не был «мил и

нерешителен». Он имел на редкость твердый, деспотичный и педантичный до занудности характер, и кроме того, привык все подготавливать заранее. Легко представить, как была разочарована его жена, понявшая это уже после бракосочетания. Вуди требовал от нее стерильной чистоты в доме, составлял меню, по которому Харлин должна была его кормить, и ехидно комментировал все, что бы она ни сделала. В результате в конце 1960-х гг. Розен подала на развод – а заодно и иск в суд, требуя с бывшего мужа материальную компенсацию за то, что он «презирал ее и высмеивал».

К тому времени Аллен был уже известным голливудским сценаристом. Как актер он имел куда меньший успех, хотя и снялся в нескольких фильмах, в том числе в знаменитой пародии на Джеймса Бонда – «Казино “Ройял”». Но его тянуло в режиссуру, и в 1969 г. Вуди снял свой первый фильм – умную и насмешливую комедию «Хватай деньги и беги», в которой он со знанием дела пародировал популярные тогда фильмы о грабителях банков. Наступившие за этим 1970-е гг. стали для Аллена «десятилетием пародий». Его фильмы – «Бананы», «Любовь и смерть», «Все, что вы всегда хотели узнать о сексе, но боялись спросить», «Заснувший» – быстро нашли свою аудиторию, с восторгом встречавшую каждую новую картину оригинального постановщика, актера и сценариста. Вуди же, в свою очередь, радовал поклонников невероятной плодовитостью – складывалось впечатление, что он живет на съемочной площадке и покидает ее

только ради беседы со своим психоаналитиком.

На самом деле времени хватало на все: на игру на кларнете, к чему Аллен пристрастился еще в молодости, на сценарии для других режиссеров, на постоянные выяснения отношений с «подругами жизни». После развода с Харлин вакансия «музы Вуди» досталась Паулине Каэл, популярной критикессе и большой поклоннице его фильмов. Но прошло всего несколько лет, и Паулина, громко хлопнув дверью, вычеркнула Аллена из своей жизни, заявив, что ее «достал и этот человек, и его творчество». Еще тяжелее пришлось следующей подруге – актрисе Луизе Лэссер. Та ходила на цыпочках, во всем повиновалась своему «повелителю», но про себя считала, что никогда еще не сталкивалась с таким махровым эгоистом: «Я интересовала его как нянька, актриса и домработница, но не как жена. Мы даже спали, в основном, в разных спальнях». Брак закончился тем, что однажды муж, вернувшись от психоаналитика, заявил: «Мой врач сказал мне, что ты не подходишь мне физически».

На самом деле Вуди просто нашел другую женщину – Дайану Китон, сразу же ставшую его музой, актрисой и возлюбленной. С ней Аллен снял, возможно, лучшие свои фильмы – «Энни Холл», «Интерьеры», «Манхэттен». В «Энни Холл» режиссер впервые попробовал иронически взглянуть на собственную жизнь. «Алленизмы по поводу любви, дружбы, славы плюс поэтизация Нью-Йорка» впервые проявились именно в этой картине. Неудивительно, что Киноакаде-

мия была покорена: Вуди «с первой попытки» получил три «Оскара» и еще один получила Дайана за главную женскую роль. Правда, на церемонию награждения режиссер не явился – в тот вечер он играл на кларнете в одном из нью-йоркских ночных клубов.

С этого момента карьера Аллена резко пошла в гору, причем популярность режиссера росла прямо пропорционально его неврозам. Тогда же он раз и навсегда установил жесткий и неизменный ритуал своей жизни, куда входили только теннис, игра на кларнете, съемки новых картин и периоды одиночества, когда он прятался от любопытных глаз в своем доме. Правда, и в обычные времена Аллен проявлял себя как режиссер, демонстративно отделяющий свою личность от голливудской тусовки и редко покидающий свой любимый Манхэттен.

Роман Вуди с Дайаной длился 8 лет – до тех пор, пока в 1979 г. она не ушла от него к красавчику Уоррену Битти. Аллен не обиделся и даже «доснял» актрису в «Манхэттене», но на будущее стал присматривать себе новую «девушку для вдохновения». Ею стала Миа Фэрроу, хрупкая шатенка с чарующе-наивным лицом и жизнью, похожей на приключенческий роман.

Миа (Мария де Лурдес Вилльерс) родилась 9 февраля 1945 г. в Лос-Анджелесе в семье известного режиссера-сценариста, «оскароносца» Джона Фэрроу («Остров в кильватере») и популярной актрисы Морин О'Салливан (девушка

Тарзана, «Анна Каренина»). Ее крестным отцом был топ-режиссер Джордж Кьюкор («Моя прекрасная леди»), а среди родственников и дружеского окружения – всегда много кинематографистов. И было бы странно, если бы Миа не попробовала себя в искусстве. Закончив учебу в католическом пансионате в Англии, она вернулась на родину и стала играть на бродвейской сцене. В кино девушка дебютировала в 1959 г. в эпизодической роли в фильме «Джон Пол Джонс», а в эпицентре общественного внимания впервые оказалась в 1966 г., стоя под венцом с великим Фрэнком Синатрой.

Стареющий певец-мафиози неожиданно влюбился в 19-летнюю начинающую актрису, которая была моложе его на 30 лет. Их роман вызвал волну возмущения. Феминистки называли певца педофилом и грязным соблазнителем. Миа очень переживала – похудела и коротко подстриглась. Ехидная Ава Гарднер, бывшая жена Синатры, шутила по этому поводу: «Я всегда знала, что в конце концов Фрэнк уляжется в постель с мальчиком». Тогда из вредности певец решил официально зарегистрировать брак с Фэрроу. Как человек весьма бестактный, на первом же после бракосочетания концерте он заявил со сцены: «Наконец-то я нашел дурочку, которую могу обманывать, сколько захочу». Но оказалось, что юная жена отнюдь не пластилин. Она начала делать собственную карьеру и вскоре стала довольно известной киноактрисой. Фрэнк ревновал ее к славе, а она никак не реагировала на его измены: он кутил – она занималась йогой.

Через 17 месяцев супруги все же расстались. «Телевизор в постели, наши щенки, его невероятное обаяние, чистота его чувств. Его улыбка. Но все-таки разница в возрасте сыграла свою роль. Мне было больно чувствовать его отдаленность. Я была не в состоянии это преодолеть», – вспоминала позднее Миа. Спустя всего несколько месяцев она попала в эпицентр нового скандала, снявшись в фильме Р. Полански «Ребенок Розмари» – мистической истории о рождении сына Сатаны. Потом она вышла замуж за композитора и пианиста Андре Превена (причем муж все время находился на гастролях, и за 8 лет их совместной жизни едва ли можно было припомнить месяц, который бы супруги провели вместе). Фэрроу родила мужу двойню и после развода уехала в Индию, где изучала трансцендентальную медитацию под руководством гуру Махариши Махеш Йоги. Вернувшись из Тибета, Миа снова снималась в кино, украсив собой десятка полтора фильмов, и крутила роман с оператором Свеном Нюквестом...

К 1982 г. Миа уже разочаровалась в мужчинах и всю себя отдала новому хобби – приемным детям, число которых росло с каждым годом. Всего она удочерила и усыновила 9 малышей, большинство которых были родом из Юго-Восточной Азии. Свое «увлечение» детьми Фэрроу объясняла печальным опытом своего детства: в 9-летнем возрасте она перенесла полиомиелит, полгода провела в больнице и пришла к выводу, что счастьем и благополучием нельзя доверять – все может исчезнуть в любой момент. Испытав на себе, что зна-

чит страдать и быть калекой, Миа не могла пройти мимо людского горя и придумала свой оригинальный способ помощи обездоленным детям.

К моменту встречи с Алленом она уже успела привыкнуть к отсутствию спутника жизни. Миа казалось, что Вуди послан ей в доказательство того, что мужчинам все-таки можно верить. Он восхищался ее индивидуальностью, считал ее идеальной актрисой и снял в 13 своих фильмах, сюжеты которых можно легко перенести на любую почву и в любую страну, где есть легко узнаваемый слой населения под названием «творческая интеллигенция». Среди них – «Эротическая комедия в летнюю ночь», повествующая о вечеринке у семейной пары, на которой в тугой клубок сплетаются сложные интеллектуальные и сексуальные отношения их близких и дальних приятелей. Трагикомедия «Ханна и ее сестры» рассказывала о сложных отношениях в большой, любящей, но взбалмошной еврейской семье с пылкими страстями и вполне земными проблемами. Еще один фильм Аллена «Мужья и жены» – изысканная и изящная картина о праве на частную жизнь, которое приходится отстаивать даже в отношениях с друзьями и собственными супругами.

Гражданский брак режиссера и актрисы длился 13 лет, и Фэрроу давно уже смирилась с некоторыми «странностями» мужа – например его нежеланием жить «одной семьей». Когда они познакомились, Аллену было уже под пятьдесят, и превращать свою жизнь в «детский сад» он не собирался.

Поэтому Миа и Вуди снимали отдельные квартиры, но жили близко – по разные стороны парка. Встав каждый у своего окна, они могли смотреть друг на друга в бинокль, перемигиваться светом и вывешивать различные условные сигналы.

В декабре 1987 г. Фэрроу родила сына, которого назвали Сэтчел – в честь знаменитого негритянского баскетболиста. Еще одного ребенка, девочку, супруги удочерили совместно. О себе Аллен говорил в тот период: «У меня, видимо, очень высокий процент женских гормонов. В детстве я вырезал из бумаги куколок и одевал их в самодельные платица а-ля Дина Дурбин. Миа в моем доме единственная, кто, оказавшись за городом, свободно управляет с трактором и знает, как починить телевизор».

«Идеальный союз» распался в 1992 г. под аккомпанемент грандиозного скандала. Придя как-то к любимому чуть раньше назначенного времени, Миа открыла дверь своим ключом и, не застав мужа дома, стала рассматривать бумаги на его столе. В числе прочего она обнаружила там конверт с фотографиями, на которых в весьма неприличных позах была снята обнаженная Сун-И – одна из ее приемных дочерей. Шок и отчаяние актрисы от двойного предательства в комментариях не нуждаются, тем более что Аллен и не думал отпираться. Более того, по словам Фэрроу, он цинично предложил ей «остаться друзьями» и намекнул, что как актриса она его по-прежнему вполне устраивает. Но теперь уже Миа жаждала вычеркнуть его из своей жизни. В «Мужьях и же-

нах» ей пришлось доиграть – ее связывал контракт, но от роли в «Таинственном убийстве на Манхэттене» она с негодованием отказалась.

Пережив тяжелый нервный стресс, Фэрроу наделала немало глупостей – например подала на Аллена в суд, обвинив его в приставаниях к младшей из ее приемных дочерей, пятилетней Дилан. Но обвинение в педофилии показалось суду необоснованным, поскольку у актрисы не было никаких доказательств развратных действий мужа. Неудачной оказалась и попытка лишить Аллена родительских прав на его родного сына, и Фэрроу – с горя – поменяла тому имя. Правда, кипя гневом, она, по ее словам, все-таки не желала наносить Аллену физических травм. В разгар драмы ей позвонил Фрэнк Синатра и поинтересовался: «Малышка, хочешь, этому мерзавцу переломают ноги?» Миа благоразумно отказалась.

Вся эта ситуация представлялась общественности не совсем нормальной, тем не менее Аллен и Сун-И вот уже несколько лет вместе и, по свидетельствам близких им людей, «они искренне любят друг друга, и она оказывает удивительное влияние на его жизнь». В декабре 1997 г. любовники все-таки поженились, и «молодожен» объявил журналистам, что «завязывает» с психоанализом, поскольку наконец-то нашел настоящую любовь. Тем не менее прямо перед свадьбой «добрый» Вуди заставил невесту подписать необыкновенный брачный контракт, согласно которому она должна не

только жить в отдельной квартире, вести раздельное хозяйство и не настаивать на встрече с будущим мужем чаще двух раз в неделю, но и отказаться в случае развода от всех прав на любую часть его немаленького состояния. Таким образом, женившись на «дочке», Аллен постарался обезопасить свою жизнь от любых неожиданностей.

Естественно, симпатии публики были в основном на стороне Миа. Вуди всячески осуждали, и даже его женитьба не изменила положения к лучшему: большинство комментариев было написано в язвительном тоне. К тому же в тот период он выпустил новый фильм «Разрушитель Гарри», главным героем которого был писатель, запутавшийся в женах и их родственницах, с которыми он сожительствует попеременно, а то и одновременно. «Нью-Йорк Таймс» опубликовала статью о скандальном режиссере, озаглавив ее «Пора вырасти, Гарри», где Аллен был назван 62-летним подростком. В ней есть такая замечательная фраза: «Из фильма в фильм он целуется с девочками-малолетками, и из фильма в фильм они становятся все малолетней». Конечно, Вуди, как и его экранные герои, – типичный интеллигентный неврастеник, шагу не могущий ступить без консультации с психоаналитиком. Миа говорила о нем на суде: «У него есть специальный врач на каждый член тела».

Аллен, в свою очередь, критиковал бывшую жену за ее «маниакальные стремления к опеке детей» и обвинял ее в создании «культовой» обстановки в семье: «Я не согласен

с точкой зрения Миа Фэрроу на саму себя, как на идеальную мать. Она с маниакальной настойчивостью усыновляет и удочеряет детей, даже не задаваясь вопросом, откуда поступят ее следующие заработки. Просто невозможно обеспечить родительским вниманием 13 или 14 детей». Тем не менее, он признавал, что жене было очень сложно пережить его роман с Сун-И.

О свадьбе приемной дочери мать узнала из газет, поскольку порвала с девушкой все отношения. Фэрроу так до конца и не оправилась от этой чудовищной истории и даже обращалась за помощью к психиатрам. Врачи были единодушны – во имя собственного душевного здоровья Миа не следует брать в дом новых приемышей. Своей подруге актриса призналась, что понимает это только умом, поэтому время от времени она срывается с места и едет в приюты – в Индию, Непал, чтобы осчастливить очередного несчастного ребенка. Причем теперь она предпочитает тяжелобольных детей – слепых, парализованных... Даже родственники актрисы склоняются к мысли, что в ее поведении все отчетливее проявляются признаки некоторых душевных отклонений.

Как режиссер Вуди все так же плодovit и от отсутствия Фэрроу ничуть не страдает. В отличие от многих режиссеров 1970-х гг., уже выдохшихся и снимающих очередную «старую песню на новый лад», Аллен с годами не растерял ни оригинальность подхода, ни чувство стиля, ни искрометный юмор. А события в его жизни лишь придают многим шуточ-

кам из его картин особую пикантность. Например, «мастурбация – это секс с тем, кого любишь». Если бы он снимал фильмы на русском языке, без сомнения, наш народ цитировал бы Вуди Аллена так же, как его цитируют американцы: «Я никогда не хотел жениться, но мне всегда ужасно хотелось развестись...», или: «Не то чтобы я очень боялся смерти – просто мне не хочется присутствовать, когда ЭТО произойдет...»

В декабре прошлого года Аллену исполнилось 67 лет. Он по-прежнему король авторского, некоммерческого кино и режиссер, которым по праву гордится Америка. По его словам, все свои фильмы он снимает о себе, даже если их герои ничуть на него не похожи. Поэтому неудивительно, что одна из его последних лент, уже упоминавшаяся здесь, называется «Сладкий и гадкий» – более точной характеристики Вуди себе придумать не мог.

В мае 2002 г. на Каннском кинофестивале был показан документальный фильм режиссера Шикела «Вуди Аллен: жизнь в кино», который еще раз напомнил о скандале, связанном с разводом Аллена и Фэрроу. Миа через адвоката потребовала, чтобы в фильме Шикела не было ни одного кадра с ее участием. «Она возражала даже против того, чтобы в картине упоминалось ее имя, – вздыхал Аллен. – По-моему, это глупо. Я глубоко уважаю ее как актрису. Она прекрасно сыграла в нескольких моих фильмах, и эти роли достойны того, чтобы их помнили. Я разговаривал об этом с Шикелом.

Он был согласен со мной. Но если она не хочет, чтобы ее помнили, – это ее дело».

НАТАЛЬЯ АНДРЕЙЧЕНКО И МАКСИМИЛИАН ШЕЛЛ

Брак русской актрисы с иностранцем, известным режиссером, да еще и потомком нефтяных королей, долгое время относился к разряду самых сенсационных и скандальных. Согласно брачному контракту, они должны были развестись через месяц, но не сделали этого и через семнадцать лет, несмотря на слухи и пророчества многочисленных «доброжелателей».

Летом 2002 г. российские и западные газеты много писали о том, что самый громкий иностранный брак современной русской женщины – на грани краха. Публика переживала: еще одна сказка о любви закончилась печально. Однако вскоре из Лос-Анджелеса пришли радостные известия – о разводе Андрейченко и Шелла не может быть и речи.

За месяц до этого события журналисты общались с Натальей в Москве. Она плакала, постоянно смотрела на фотографии детей, говорить о муже не хотела: «Я ужасно переношу разлуку с детьми. Вчера я плакала. И сегодня утром плакала, проснувшись. Сначала держалась нормально. А потом начинает бить по сердцу страшная тоска по детям. Я должна вырваться из этого замкнутого круга. Если у меня получится, я стану самой счастливой, и у меня все сразу будет хорошо». Потом актриса улетела в Штаты, и что-то там изменилось. Она позвонила в редакцию из Лос-Анджелеса, чтобы сделать официальное заявление: «В нашей семье нет никаких разговоров о разводе. Мы любим друг друга. И все нормально! Меня расстраивает лишь то, что это все попало в газеты».

Наталья Андрейченко родилась в Москве 3 мая 1956 г. Жила и училась в столице, строила планы на будущее – после школы стать филологом, цель – МГУ или педагогический. Но, уже заканчивая 10-й класс, передумала. Случайно прочитав в газете статью знаменитых С. Бондарчука и И. Скобцевой «Ищем таланты», решила, что она и есть тот са-

мый искомый талант. Отговаривать было бесполезно, в семье знали твердый, решительный характер Наташи, а потому предоставили ей возможность испытать судьбу. Она выбрала Театральное училище им. Щепкина, пошла сдавать экзамен и, естественно, провалилась, со слезами выскочила из аудитории, увидев насмешливо-ироническое отношение членов комиссии.

Однако девушка не отступила. Вторую попытку она приняла во ВГИКе. Теперь уже не стала краситься, завивать кудри, укорачивать юбку, пытаясь сделаться неотразимой красавицей, а предстала перед экзаменаторами в своей естественной красе. Лучистые глаза, лицо – кровь с молоком, коса до пояса, горделивая стать, уверенность в себе и, конечно же, вдохновенное чтение русской поэзии решили и вопрос о ее зачислении на курс, и всю дальнейшую судьбу.

Наталья привлекала к себе внимание педагогов и режиссеров яркой индивидуальностью, большим творческим потенциалом. Еще будучи студенткой, она снялась в нескольких эпизодических ролях, которые стали воплощением образов русских женщин – добрых, красивых и одновременно сильных, страстных, притягательных. Андрейченко и в жизни такая. Она принимает неожиданные решения, совершает смелые и рискованные поступки, не боится начинать с нуля свою жизнь и карьеру.

Казалось бы, все шло замечательно. Удачное замужество (супруг – Максим Дунаевский, известный композитор), сы-

нишка Митя, творческие успехи. В 1984 г. режиссер И. Масленников запланировал для Андрейченко главную роль в киноленте «Зимняя вишня». И вдруг ей отказали, или, как она сама выразилась, «вышвырнули» из этого фильма. Она настолько переживала, что не сразу согласилась на роль Евдокии Лопухиной в фильме «Петр Великий» у прославленного американского режиссера и актера Максимилиана Шелла, который в нем же должен был играть царя Петра. Дунаевский отговаривал жену от работы с американцами. Позже Андрейченко скажет: «Словно чувствовал». К тому времени Мите шел второй год, а жили супруги уже раздельно.

Но когда актеры впервые случайно встретились в гостинице, еще до начала съемок, и Шелл поддержал Наташу, оступившуюся на лестнице, первой мыслью, промелькнувшей в ее голове, было: «Он будет моим мужем». Как-то вечером он пригласил свою очаровательную партнершу на прогулку: «Макс не знал русского, я – английского, но мы все равно понимали друг друга. Помню, поднялись на мост, и Макс, показав на Луну, сказал, что она светит и здесь, в России, и на его родине, в Швейцарии».

Максимилиан Шелл родился 8 декабря 1930 г. в «стране истинной свободы и демократии». Хотя сам он считает, что Швейцария – самая медленная и скучная страна на планете. Окончив цюрихскую Драматическую студию и параллельно изучив историю искусств и философию в местном университете, он уехал сначала в Германию, где работал в немец-

ких театрах, а потом в Австрию. В кино начал сниматься с 1955 г. и стал известен благодаря острым драматическим ролям в фильмах «Брак доктора медицины Данвица», «Молодые львы», «Нюрнбергский процесс», «Затворники Альтоны». Снимался Шелл также во многих европейских и американских кинофильмах, работал на телевидении, в том числе снялся в исторических постановках «Покушение в Сараево», «Симон Боливар» и «Молодая Екатерина». Кроме того, он выступал также в качестве режиссера, поставив такие фильмы, как «Первая любовь» по повести И. С. Тургенева, «Судья и его палач», «Марлен». В 1961 г. за роль адвоката, пытающегося оправдать преступления нацистов в картине «Нюрнбергский процесс», Шелл получил престижную кинопремию «Оскар».

После одного из съемочных дней «Петра Великого» Максимилиан предложил Наталье вместе поужинать: «Представляете, в то время поужинать с иностранцем! Да это же было невозможно, – вспоминала актриса. – Я так и объяснила: без переводчика наш ужин невозможен. Но так как переводчика мы не нашли, то пошли таки вдвоем. Я – ни слова по-английски, он не говорит по-русски. На ресторанной салфеточке он рисовал мне все, что чувствует: луна, сердечко и мостик, где у нас было первое свидание».

Став «царственной парой» на съемочной площадке, они уже не смогли расстаться. Всемирно известного актера, которому было за 50 лет и который никогда не был женат, неодо-

лимо влекло к молодой, красивой и талантливой русской. Максимилиан просто влюбился в Наташу. Сразу. Отвечая на вопросы журналистов, он никогда толком не мог объяснить им свои чувства к русской красавице.

Наташа испытывала взаимную симпатию к сильному, красивому, аристократичному и талантливому иностранцу. Позже он просто говорил ей: «Ты – моя судьба». Интересно, что до знакомства с Шеллом Андрейченко не видела ни одного из его фильмов, а слышала о нем только как о талантливом режиссере, кинозвезде и владельце «Оскара».

Итак, встречаясь с иностранцем, она все поставила на карту: семью, профессию. К тому времени Андрейченко снялась почти в 20 фильмах, играла в театре, объездила со спектаклем А. Васильева «Серсо» почти полсвета. Две картины, вышедшие в 1983 г., – «Военно-полевой роман» П. Тодоровского и «Мэри Поппинс, до свиданья!» Л. Квинихидзе – сделали ее всенародно любимой. Было над чем задуматься. Зарождение романа происходило в советские, доперестроечные времена, и влюбленным пришлось пережить немало испытаний, особенно Наталье, к которой окружающие отнеслись чуть ли не как к изменнице Родины, требуя порвать отношения с иностранцем.

В то время Максимилиан имел массу домработниц, двух секретарш, свой офис и любую женщину, которую желал. И несмотря на то что заядлый холостяк мечтал иметь собственных детей, больше всего он боялся связать себя узами брака.

«Поэтому, – говорила Наталья, – он и со мной хотел продолжать отношения без штампов». Поскольку в советской стране такая «свободная любовь» была не в почете, Наталье оставалось одно – выйти за Шелла замуж. Но это пока не входило в его планы.

Шел 1985 год. До близких отношений режиссера с актрисой было еще далеко. Максимилиан постоянно находился в разъездах, а при редких встречах с Натальей между ними продолжал лежать маленький оксфордский словарь. Пару разделял единственный барьер – языковой. Они до сих пор общаются на английском, несмотря на то что родной язык Шелла – немецкий. Талантливый режиссер до сих пор не выучил русского.

Однажды, когда съемки «Петра» уже закончились, Шелл приехал в Россию обычным туристом. Вот тут-то все и закрутилось: «Макс прилетел тогда на два дня ради меня. Я пришла к нему в гостиницу “Космос”. В 23:00 в его номере раздался стук в дверь: “А ну-ка быстро покиньте номер!” Представляете, мне 28 лет, у меня за плечами «Мэри Поппинс», а мне, как проститутке, орут: “Вон отсюда!” Воспитанный в духе свободы швейцарец тут же встал и гневно сказал: “Что?! В таком случае я уйду с ней!”». Этот его выпад не произвел никакого впечатления на администрацию гостиницы, и вместе с Натальей ему пришлось покинуть номер. Тем не менее, на улице их почему-то сопровождал (если не сказать преследовал) милицейский кортеж на мотоциклах. Подобные ситу-

ации повторялись не раз.

Когда отношения влюбленных были в самом разгаре, Андрейченко стали откровенно запугивать. Органы КГБ под угрозой конца ее карьеры рекомендовали прервать отношения с иностранным режиссером. Большие начальники отечественной киноиндустрии предупреждали, что лишат ее возможности работать. Свободолюбивый Максимилиан был повержен натиском советской системы и обаянием русской актрисы – он не смог устоять и предложил Наташе выйти за него замуж. Правда, звучало его предложение с мало понятной русскому человеку оговоркой: «Хотя я холостяк и боюсь брака больше всего на свете». После этих слов режиссера Наталья приняла решение расстаться с ним. С того дня она перестала снимать телефонную трубку.

В начале декабря 1985 г. Максимилиан прилетел в Москву и пришел в ее квартиру. По длинному коридору с криком «Нет, нет, нет!» Наталья побежала от него из прихожей прямо на кухню. Там он и настиг свою жертву, обнял ее, а Наталья в слезах сказала ему только: «Запах родной!» После такой гениальной фразы Шелл, наконец, решил жениться.

Максим Дунаевский все понял и не стал возражать. К общему удивлению, развели их моментально – за один день. Уже в феврале следующего года Максимилиан подписал брачный контракт, состоящий из 3 пунктов. Первый гласил, что Наталья Эдуардовна Андрейченко никогда и никуда из России не уедет (по собственной инициативе). Второй – на

всякий случай гарантировал им развод через две недели. Третий пункт был особенно любопытным. Он фиксировал двойное гражданство для их будущего ребенка (российское и швейцарское).

В середине июня 1986 г. «молодые» расписались в Грибодовском дворце бракосочетания. Рядом были друзья, родственники жениха и невесты и сотрудники посольства Швейцарии. По словам Андрейченко, взявшей после замужества двойную фамилию, женщина, которая регистрировала брак, ревниво осмотрела Шелла и спросила: «Так это вы забираете нашу Наташу?» После брачной ночи вечером следующего дня новоиспеченный супруг улетел, оставив в одиночестве жену на долгие полгода. Пока он разъезжал по миру, Наталья снималась в кино, коротая дни разлуки с мужем.

Потом она последовала за ним в Германию (там в 1991 г. родилась их дочь Настенька), Австрию, США, но всегда оставалась москвичкой, играла и снималась на родине и постоянно училась всему, чего требовала от нее Америка, – от языка, образа жизни до жестких законов Голливуда. Работая с немецкими, итальянскими, американскими режиссерами она так и не стала космополитом: «Не знаю, что это такое... Если я и космополит, то русский космополит. В зависимости от среды пытаюсь быть американкой или человеком мира, но в душе все равно остаюсь русской и тянусь к тем местам, где все знакомо и есть друзья».

Одним из самых интересных телепроектов Андрейченко

и Шелла был 11-часовой фильм, в котором Наталья хотела наглядно показать всему миру русские корни Голливуда. Однако из-за проблем с финансированием ему не суждено было состояться: «Почему-то никто не хочет знать, что Голливуд основали выходцы из России, одесситы, и место они выбрали, похожее на Одессу, – в 150 километрах от Лос-Анджелеса, где солнечно даже зимой и где размах, широта и масштаб кино – русский. С мамой Спилберга я разговариваю по-русски. Разве не смешно?»

Андрейченко в реальной жизни никогда не стремилась быть идеальной женщиной: «Ты можешь обмануть всех вокруг – и детей, и сослуживцев. Но рано или поздно все равно станешь самой собой. И вот здесь ложь неприемлема. Себя не обманешь. Подобное я уже прошла в США, когда мне пытались внушить, что надо меняться – говорить без акцента, играть американские роли. Но тогда я стану другой! Не американкой – “сломанной Наташей”. И вдруг меня осенило, что делать этого не стоит. Я – Наташа, русская. Нравится – хорошо, не нравится – извините. Решила, что остаюсь самой собой».

Благодаря титаническому труду актриса стала востребованной и там, порой даже диктуя свои условия и отказываясь от очень выгодных съемок (например в голливудском сериале «Вавилон-5»). Ее бойцовские качества оценили, дав ей прозвище «принцесса-солдат», после того как Наталья сыграла принцессу Низамову в популярном американском се-

риале «Доктор Куин – женщина-врач». В последнее время Андрейченко успешно снималась и в России. На экран вышли фильмы с ее участием: «Леди Макбет Мценского уезда», «8,5 доллара», «Формула счастья», «Подари мне лунный свет».

К сожалению, не все сыгранные ею в кино роли дошли до зрителя. Еще в конце 1980-х гг. С. Бондарчук задумал поставить «Тихий Дон», трактовка которого очень отличалась от традиционной. В течение трех лет он так и не смог «пробить» этот фильм дома, поэтому пришлось искать спонсоров за рубежом. Был создан американо-итальянский сценарий, итальянцы нашли огромные деньги, организовали съемки. На роль Аксиньи режиссер пригласил свою любимую «инострannую» ученицу Андрейченко. Правда, вскоре продюсеры фильма пересмотрели распределение ролей, и Наталье, к ее огромной радости, досталась другая героиня, Дарья, очень близкая ей по темпераменту и мироощущению. Многосерийный фильм был снят, но с 1993 г. так и не появился на мировом экране. По коммерческим соображениям он лег на полки какого-то банка. Супруга режиссера, И. Скобцева, прилагала множество усилий, чтобы разыскать и купить картину, но пока они не увенчались успехом.

Дети Андрейченко, как и их родители, решили связать свою жизнь с искусством – собираются работать на телевидении. Сын Митя учится в колледже в Санта-Монике на звукорежиссера. А дочь Настя занималась в театральной школе

и скоро будет сниматься в российском фильме вместе с мамой.

В отличие от Шелла, который постоянно повторяет: «Я не знаю, кто я, что я и где мой дом», дети не последовали его примеру и знают, где их родина. Митя считает себя русским, а Настя долго просила друга семьи Сергея Гагарина отвести ее в православную церковь и стать ее крестным отцом. Она сказала Сергею: «Запомни, человеку нельзя отказывать в Боге». Позже Максимилиан, католик, спросил у нее: «Настя, почему именно русская ортодоксальная церковь?» Она на него внимательно посмотрела и ответила: «Там теплее».

И все же, мятежник и революционер по натуре, Шелл пытался в том же духе воспитывать и детей. Из-за этого в семье возникали постоянные конфликты. Максимилиан все время обвинял Наталью в том, что она русская, что у нее «пятилетний план» и что она пытается держать детей в узде: «Он же абсолютно дикий и считает, что дети тоже должны быть дикими – расти, как деревья, большие и сильные, с огромными крепкими корнями и со свободными ветвями, которые желательнее не причесывать и не подрезать».

Митя действительно вырос необыкновенно свободолюбивым. По словам матери, он «удивительный, умный, добрый и талантливый»: «Его выгоняют из школ при полном обожании его учителями. Я пытаюсь узнать: “Когда ты собираешься в школу, что для тебя самое главное?” Честно признаюсь ему, что сама, будучи школьницей, в классе рассматривала

симпатичных мальчишек. Если бы не они, ноги бы моей в школе не было. А у него что? Отвечает мне: “У меня другое. Прежде чем войти в класс, я захлопываю все дыры на прием информации, чтобы никакое зомбирование в мою голову не вошло”. Я ему: “Мить, а зачем ты тогда вообще в школу ходишь?” Он: “Потому что для вашего мира нужна бумажка”. Вот я и говорю мужу: “Макс, ведь это последствия твоей свободы. И что теперь с ней делать? Как управлять?”»

А когда Наталье бывает тяжело, за советом она обращается к дочери, хотя в последнее время они не всегда бывают вместе. Однажды на вопрос мамы, «как быть счастливой», 12-летняя Настя посоветовала ей «делать только то, что хочешь, и никогда не делать того, что не хочешь».

С мая по июнь 2002 г. слухи о разводе Натальи Андрейченко и Максимилиана Шелла моментально распространились по Москве. Сначала в немецких и австрийских газетах, днем позже – в России, Англии и США журналисты увлеклись изложением подробностей дутого развода двух звезд. Для пущей убедительности это событие «подтверждали» такие люди, как первый муж Натальи – Дунаевский, ассистентка Макса – Маргит Шухра, его брат Карл и сестра – немецкая актриса Мария Шелл. «Виновницей» развода выбрали по-другому режиссера – историка-искусствоведа Элизабет Михич. Для полного комплекта появился и «кандидат в мужья» – 50-летний российский шоумен Стас Намин. Супруга Намина Галина, на которой Стас женат около 20 лет, расхохота-

лась, услышав, что якобы муж собирается ее бросить и жениться на ее давней подруге Наталье.

Самые бурные обсуждения «утки» происходили на «Мосфильме». Коллеги со странным удовольствием перемывали кости Андрейченко, склоняя каждый на свой лад ее сложный характер. Все сделали однозначный вывод: русская кинозвезда замучила бедного миллионера своей стервозностью и стремлением к мировой славе. Тут же всплыли прошлогодние скандалы, возникавшие во время съемок сериалов «Доктор Куин» и «Вавилон», где Наталья требовала изменить сценарий, отказывалась от уродующего ее грима или хотела использовать собственные костюмы. Некоторых беспокоило многомиллионное состояние престарелого режиссера. Вспомнили о брачном контракте, в результате чего одна журналистка «с фантазией» додумалась до существования закона, по которому при доказательстве измены супруги Шелл имел право лишить ее полагающейся при разводе доли имущества.

Спустя некоторое время те же журналисты стали писать, что, мол, шум вокруг их бракоразводного процесса в газетах – это хитрая пиаровская кампания... Андрейченко взорвалась: «Бред! Кому нужен такой пиар. Да еще когда вам на задницу лепят бирку “30 млн долларов”, оценивая общее состояние. Все это так отвратительно. И потом, что мы должны были якобы поделить? Я ничего не боюсь говорить. У нас нет таких денег! И никогда не было! Конечно, у нас есть сче-

та, но я всю жизнь жила самостоятельно. И то, что у меня есть, заработала своим трудом. Имеется и несколько общих счетов. Но ведь дело не в этом. Все эти цифры разрушают образ человека. Да, Макс сделал большие деньги на том, что знал, какую картину сегодня нужно купить за 3 тыс. долларов, чтобы продать за 600 тыс. в другое время. Так ведь он же коллекционер. Но не это в нем главное. Прежде всего он художник, философ, человек, который всю жизнь любит искусство. Он профессор искусствоведения. Макс божественный...»

Год назад, на дне рождения Натальи последним ее поздравлял муж. Тост звучал кратко: «За русскую женщину, которая полностью изменила мою жизнь!»

Сегодня Андрейченко продолжает свои творческие поиски. И не только актерские, но и режиссерские, возглавляет интернациональный музыкальный коллектив (наполовину русский и американский), записывает свои песни, в качестве продюсера выпустила альбом «Наташа и гуси». Она основала русский благотворительный фонд исследования СПИДа, пытаясь объединить усилия в борьбе с общей бедой, в желании послужить добру. Актриса всегда в работе, в движении, полна идей и планов. Зрители ждут новых проявлений ее таланта, чтобы при очередной встрече порадоваться за нее и, как ее любимой героине Мэри Поппинс, сказать: «Наталья, возвращайся!»

Когда ее недавно спросили, где она собирается жить, Ан-

дрейченко ответила: «Там, где будет работа. Мне важно быть там, где чувствуешь, что способен что-то изменить. И понимать: то, что ты делаешь, в отличие от хороших американских боевиков, содержание которых забываешь через секунду после увиденного, учит и даже меняет человеческие жизни и судьбы. Когда мы с картиной «Подари мне лунный свет» ездили в Киев, Минск и Петербург, всюду были не просто забитые залы. Ко мне подходили мужчины и просили: “Позвони моей жене, а?” И я звонила Верам, Катям, Глашам, Наташам... Они и их мужья сначала не верили, а потом говорили, что начинают новую жизнь... Ну и где мне жить?»

МАРИЯ АРБАТОВА И ОЛЕГ ВИТЕ

В жизни самой женственной российской «феминистки» было немало мужчин. Но она всегда переигрывала в семейных отношениях всех своих партнеров. Не стал исключением и ее последний брак с ведущим политическим экспертом,

депутатом Государственной Думы РФ Олегом Вите. И хотя сейчас на горизонте у нее вырисовывался новый возлюбленный, Арбатова считает, что главными мужчинами ее жизни пока остаются сыновья-близнецы – Петр и Павел.

«Я всегда была феминисткой, просто не знала об этом, как мольеровский Жорж Данден не знал, что всю жизнь говорил прозой. Я просто не могла не прийти к феминизму, когда познакомилась с активными деятельницами этого движения и поняла, что вот эту самую идеологию я и исповедую. Вся моя биография – это борьба за восстановление чувства собственного достоинства. Причем борьба не на жизнь, а на смерть».

Все замечательно, только идеи, которые проповедует Арбатова, сложно назвать феминизмом. Феминизм – это борьба женщин за равные права с мужчинами, а в России эти права были даны представительницам прекрасного пола еще в 1917 г. Что же касается чувства собственного достоинства... Вот с этим как раз и происходит некоторая «напряженка», причем вне зависимости от половой принадлежности. К тому же феминистки еще и отказываются от знаков мужского внимания, не кокетничают, не признают проявлений слабости в виде модной одежды, прически или макияжа. В таких крайностях Арбатова никогда замечена не была, скорее наоборот. При этом эксперт «по женским душам», получившая столь громкое звание в ток-шоу «Я сама», всегда была всего

лишь... виртуозом эпатажа общества.

На самом деле она «отличилась» не только на телевизионном поприще. Монополизировав право представлять российский феминизм, Арбатова возглавила общественно-политическую организацию «Клуб женщин, вмешивающихся в политику» и получила уже четвертую «Золотую львицу» в светских итогах годах. Она – автор 14 пьес, идущих в серьезных российских театрах, и 13 книг, зачитанных до дыр соотечественницами, пытающимися найти в них рецепт, «как стать счастливой». Многие российские феминистки злятся на Арбатову, которая упорно путает феминизм с феминизацией, женскость с женственностью, гендер с полом, а пол – с потолком. Зря злятся. Маша Арбатова, в конце концов, всего лишь «лицо российского феминизма».

Мария Арбатова появилась на свет в 1957 г. в городе Муроме Владимирской области в семье военнослужащего Ивана Гаврилина, но с годовалого возраста жила в Москве. Она была очень поздним ребенком: «Когда я родилась, маме было 35 лет, а отцу – 47. У него было два сына, я была первая девочка, которая ему обломила. И все детство он смотрел на меня, как на чудо природы. Я вообще считаю, что успешную женщину делают восхищенные глаза отца. Мой отец умер, оставив меня в 10-летнем возрасте, но, видимо, запаса его любви мне хватило на всю оставшуюся жизнь».

Когда девочке исполнился год, она заболела полиомиелитом. В то время прививки детям практически не делали, и

Маша могла остаться прикованной к постели, но «отделалась» хромотой. До пяти лет она жила по больницам и санаториям, где не лечили, а ломали психику: «Это были хирургические опыты на детях в попытке догнать мировую ортопедию. При всем этом я считаю, что полиомиелит меня спас. Если бы я осталась дома, то моя активная мама просто задавила бы меня. Она очень одаренная женщина, не давшая себе реализоваться социально».

Мать Маши бросила научную работу и поехала за мужем в провинцию, когда в 1950 г. он, преподаватель марксистско-ленинской философии, «попал в историю» и был переведен из столицы во Владимирскую область. Свою биографию Мария строила на том, чтобы не делать, как мама: «Весь мой феминизм, видимо, отсюда: я видела, как дорого стоит женщине отказаться от самой себя и от своих задатков, как страдают от этого ее близкие, как быстро она перестает понимать выросших детей, как болезненно переносит чужую успешность».

Когда Маша училась в четвертом классе, родители отправили девочку в лечебный специнтернат. В первый же год она прошла там «прописку», как в тюрьме. Дети в интернате были из неблагополучных семей, а она – такая «вундеркиндская», не по годам начитанная девочка, и возил ее папа-красавец в стиле Марчелло Мاستроянни. Ее пообещали избить всем классом и назначили время в беседке в лесу. Она пришла туда с гордо поднятой головой: «До последней

секунды не представляла, что это может так быть. Я была из другого социального слоя, родители меня никогда пальцем не трогали. И хоть прошло тридцать лет, я отчетливо помню, как меня бьют ногами и костылями, возят лицом по земляному полу беседки. Помню, как захожу в метро, закрывая разбитое лицо шарфом, приезжаю домой, объясняю, что больше никогда не вернусь в интернат. И родители, посовещавшись, говорят, что коллектив не может быть не прав. Этого я не смогла им простить до сих пор».

«Главная проблема нашего поколения в том, – говорила Арбатова много лет спустя, – что мы дети родителей, сформировавшихся при Сталине. У них патологический страх, чтобы кто-то не высунулся из серой массы, они помнят, что с такими бывало. Отстригая наши таланты и яркие перья, они совершенно искренне желали нас спасти». Когда Маша вернулась в свою школу, здоровые дети удивили ее степенью своей инфантильности: «Я пришла из мира, где лилась кровь и пылали комплексы, а здесь, как в детском саду, кто-то плакал из-за потерянной заколки с зайчиком, а кто-то – из-за того, что мальчик не ей написал записку». С мальчиками же у красивой девочки проблем не было, их, по ее словам, «все-гда было намного больше, чем организм мог усвоить». К тому же она быстро стала лидером в классе. И с подругами все складывалось отлично.

Когда Маша собралась переходить из «класса девственниц» в «класс недевственниц», она перелистала свою тол-

стую записную книжку и не нашла там никого, подходящего под это мероприятие. А так хотелось героя... Однажды она стояла на Кропоткинской, ждала подругу, как вдруг к ней подошел художник и попросил попозировать для портрета. Мария мгновенно поняла – это тот, кого она искала. «Бедняга еле успел грифели достать, как оказался втянутым в мою задачу. Я устроила такое индийское кино... Роман был недолгий, но пышный. Вспоминаю о нем с веселой нежностью. Ему было 30 лет, мне – 15, но я врала, что 18. Мы встретились через 20 лет, он оказался не худшим продуктом своей эпохи, но если бы я продолжила отношения с ним в юности, то не стала бы ничем, кроме как приложением к нему».

В старших классах во время каникул Маша работала в поликлинической регистратуре, училась в Школе юного журналиста, писала статейки и стихи в многотиражки, в комсомол не вступала по принципиальным соображениям, как ни заставляли, «активно хипповала» и собиралась со временем стать крупной русской поэтессой. При поступлении на философский факультет МГУ Маша недобрала полбалла и страшно переживала. Идя по проспекту, она стала заходить во все учреждения подряд. В полном отчаянии девушка зашла в Литературный музей, и неожиданно ее взяли расклеивать афиши и подавать чай выступающим писателям.

Потом она все же поступила на философский факультет, но вскоре его бросила и стала посещать многочисленные се-

минары и курсы по психологии. В то время Марии обещали большое и светлое литературное будущее. А когда готовился к публикации ее первый сборник стихов, встал вопрос, как его подписать. Простая русская фамилия Гаврилина показалась ей неподходящей для поэта. Тогда и вспомнилось прозвище, которым наделили ее, живущую на Арбате, друзья – московские хиппи: Маша с Арбата. Так родилась писательница Мария Арбатова.

Затем она написала свою первую пьесу и подала документы в Литературный институт имени А. М. Горького на отделение драматургии. Тогда-то 18-летняя Маша встретила в модном московском кафе «Аромат», где собирались хиппи, артисты и музыканты, 23-летнего студента Гнесинки Александра Мирошенко. На третий день знакомства молодые люди подали заявление в загс. Накануне свадебной церемонии невеста сдавала последний вступительный экзамен в Литературный институт, а жених в это время бегал покупать ей туфли. Не зная, какая у нее нога, он взял на два размера больше...

В 1977 г. в семье родились сыновья-близнецы – Петр и Павел. Воспитывая детей, молодая мама-домохозяйка практически не зарабатывала денег. Именно тогда в ней и проснулась женская социальная активность: «Чтобы никого не убить от сидения дома, я стала писать пьесы и бурно занялась литературно-театральной светской жизнью. Мой муж был типичным мачо и идеальным партнером в быту, из тех,

кто все тащит в дом, круглые сутки мастерит. Он имел только один недостаток: гастроли по полгода».

Еще будучи студенткой Литинститута, Мария «грубо отшила» пожилого профессора, с которым, по ее словам, «спали все». И в результате, уже после государственных экзаменов, не могла получить диплом. Тогдашний проректор Евгений Сидоров не знал, что и посоветовать, а потому сказал: «Вы же драматург, придумайте что-нибудь». Арбатова придумала: явилась в деканат и заявила: «Завтра я иду в Комитет советских женщин на прием к Валентине Терешковой». Вечером Марии позвонили из института и велели принести зачетку, в которой появился недостающий «зачет».

Тогда же Мария стала разделять идеи феминизма, как продолжение идей уважения прав человека: «Если бы я сейчас вошла в роддом и со мной попробовали разговаривать так, как говорили, когда я рожала своих сыновей... я бы его на кусочки разнесла! Женщина рождает человека, и с ней нельзя обращаться как с пьяным скотом у пивного ларька: “Ну, ты... ну пошла... полежишь – не сдохнешь!” Нельзя так! А наши женщины не только терпят, но и считают все это само собой разумеющимся. Взять хотя бы наше исконно российское: “Бьет – значит любит”. Это ведь ни на один иностранный язык невозможно перевести. Никто не поймет, потому что там либо – бьет, либо – любит». Для нее эта идеология «вытекла» из необходимости с детства не жить, а выживать, постоянно принимать самостоятельные решения и

ни на кого не надеяться. «Самое интересное, – считала Арбатова, – что в таком положении в общем-то находится большинство женщин, просто они в этом не признаются».

Шли годы. С падением цензуры в российских театрах начали ставить ее пьесы, а издатели – печатать прозу. Примерно с 1990 г. Мария стала называть себя «писательницей-феминисткой»: «Писать я умею почти все: стихи, пьесы, прозу, киносценарии, статьи и президентские программы. Первую статью в своей жизни я написала, уже будучи ставящимся драматургом, когда моих сыновей пытались исключить из школы за чувство собственного достоинства. Мне везло, гениальные люди обращали на меня внимание и ставили важные вехи на моем пути. Александр Еременко научил меня писать стихи. Арсений Тарковский научил не писать. Егор Яковлев заставил стать публицистом. Галина Старовойтова – баллотироваться в Госдуму».

В 1991 г. она организовала клуб психической реабилитации женщин «Гармония», в разное время сочетавший в себе еженедельный девичник, танцкласс, уроки макияжа и аэробики и многое другое. С 1996 г. по настоящее время Арбатова руководит «Клубом женщин, вмешивающихся в политику». Около пяти лет она работала обозревателем «Общей газеты», принимала участие в написании предвыборной программы Бориса Ельцина (и даже сумела внести свою феминистскую лепту в создание разделов «Права женщин» и «Права детей»), а также сочинила предвыборную президент-

скую программу для Эллы Памфиловой. «Вообще, – говорила Арбатова, – с женщинами в политике работать комфортнее, чем с мужчинами. Они настолько более адаптивны и настолько менее амбициозны, что были бы у них деньги на выборы, мы бы подняли страну за четыре года. Мужчины, занимающиеся политикой, очень сильно драматизируют это ремесло. И все интеллектуальные махинации, которые мужчины проводят во властных креслах, не сложнее того, что ежедневно делает любая женщина в своей семье. И на уровне интриг, и на уровне принятия решений, а главное, на уровне принятия ответственности».

К тому времени ее первый «богемный и эмоциональный» брак, длившийся 17 лет, подошел к концу. В новых экономических условиях супругам стало трудно жить под одной крышей, «когда муж не справляется с ситуацией, с которой жена справляется легко и играючи». Муж-певец «не нашел себя в реформах», а жена-феминистка «оказалась сильнее, все взяла на себя». На 4 октября 1993 г. у них был назначен развод, и чувства Марии уже были поделены между тремя новыми претендентами на ее руку. Все кандидаты были иностранцами, находились в то время в разных столицах мира и потрясенно смотрели трансляцию о трагических событиях в Москве: «Все трое не нашли в себе сил позвонить мне, а живу я недалеко от Белого дома. Образ мужчины, устроенного так тонко, что собственные душевные страдания заслоняют весь остальной мир, рассыпался в моем сознании в пыль.

И судьба отнеслась к этой перемене благосклонно, ровно на следующий день в кабинете Егора Яковлева в «Общей газете» я встретила своего избранника. В застой меня привлекали люди, способные сопротивляться режиму, мой нынешний герой умеет не только протестовать, но и работать».

Ведущий эксперт Фонда эффективной политики Олег Вите родился в 1950 г. в Ленинграде. Через неделю романа с Арбатовой он решил развестись со своей тогдашней, четвертой по счету, женой, но формальности затянулись до апреля 1994 г. Свадьба попадала на 19-е число – день знакомства с Александром Мирошенко, и суеверная Арбатова перенесла ее на несколько дней. Но и второе бракосочетание проходило так же сумбурно, как и первое. На этот раз Мария спешила со штампом, чтобы отмежеваться от первого мужа, боялась его непредсказуемых выходов и в спешке даже забыла купить белое платье.

В семейной жизни Мария сразу отказалась от «должности» домохозяйки: «Наш дом поделен на какие-то секторы. И моя доля в быту наименьшая. Это, скорее, общее руководство. Самое большое, что я делаю, – с мужем хожу в ночной магазин. Все остальное делается не моими руками. Я скорее координатор домашних бытовых программ».

В этот период Арбатову пригласили на телеканал ТВ-6 в женское ток-шоу «Я сама». Но, проработав соведущей более шести лет, она ушла из передачи, которая прославила ее на всю страну: «Я ушла после того, как мы не смогли

договориться с Александром Пономаревым о правилах игры. Уже тогда пространство программы потихоньку становилось платным. Такой “магазин на диване”. Герой, проплативший передачу, платил деньги за похвалы себе. У меня было совершенно иное мнение о лечении наркоманов клиникой Маршака и университете Натальи Нестеровой. Я говорила одно, а меня монтировали с точностью до наоборот. Плюс к этому канал платил передаче одну десятую того, что она зарабатывала, а остальное тратил на развитие совершенно бездарных передач».

Второй брак Марии продлился 8 лет. По мнению Арбатовой, он был очень политизированный, правильный и скучноватый. Однако, хотя муж и просиживал на работе сутками напролет, благодаря ему она с изумлением обнаружила, «что у мужчины бывает мнение о том, как и что должно происходить в быту: прием гостей, расстановка мебели, готовка супа... Он активно поощрял мою карьеру, с удовольствием решал бытовые проблемы. Он из тех сверхполноценных мужчин, которые считают, что от женщины им нужна только духовная и сексуальная близость. Поэтому их нельзя женить на тарелке супа и ежеутренней глаженной рубашке. Разошлись мы в ресторане, отмечая дату годовщины своего знакомства».

К разводу с Вите Арбатову подтолкнуло предательство мужа. Это произошло в 1999 г. во время выборов в Госдуму, куда Мария баллотировалась от партии Кириенко и Гайдара.

Политики просто «подставили» неопытную женщину, договорившись за ее спиной с кандидатом другой партии – Михаилом Задорновым: «Меня кинула на бандитов вся команда. И муж, на мой взгляд, должен был иметь позицию в какой угодно форме: дать по морде Гайдару или Кириенко. Всем было все по барабану, они говорили мне: “Ну мы же предупреджали тебя, что выборы – это трудно. Ну не пригнешься, мы тебя пристрелим”. И конечно, я в претензии к мужу, так как он огромное количество лет прожил в политике, зная, что под выборы я не стану другой, что я не возьму деньги и, благодарная, не уползу с ними в зубах из округа, чтобы не мешать Михаилу Задорнову».

Как человек, «ориентированный социально», как «западная женщина» Мария смотрела на брак по-своему: «Дает брак, любовная или дружеская связь развиваться социально, или она меня тормозит. В ситуации с разводом как с первым, так и со вторым мужем появился список огромных претензий и обвинений, которые уже были невыносимы. Тогда мой муж сказал: “Я не могу жить в такой атмосфере, потому что ты считаешь меня предателем. И с этой точки зрения строишь со мной отношения. Давай вызовем семейного психолога”. Я ответила ему, что, естественно, считаю его предателем вот по этому, тому и другому пункту. Потому что в 1999 г., когда прозвучали первые угрозы расправы мне и детям, тебе вдруг приспичило ехать в Лондон, пожимать лейбористам руку в их парламенте. Я спросила у него, насколько это важ-

ная поездка, ведь я не «Шварценеггер». Он улетел. Таких вещей не прощают. Если бы моему мужу начали угрожать расправой, я бы осталась дома, просто я не смогла бы оставить его в беде».

Кроме того, было еще много вещей, в которых муж вел себя так, как будто Арбатова абстрактно баллотирующийся человек, а не его конкретная жена, которую он «знает в полном объеме»: «Муж занимался политикой. И ему со временем психологически трудно было понимать, что на его поле я быстро приобрела довольно зримые очертания. Если сначала для всех в политике я была очередная жена Олега Вите, то потом люди, которые не смотрят телевизор, не читают книжек, говорили: “А, Вите, это тот, который муж Арбатовой”. Подсознательно Олег не смог смириться с этим званием».

Вообще же Мария считала, что мужчина – это лучшее, что природа создала... для женщины. Но активно не принимала «мужскую формулу любви»: раз «осчастливил» женщину своей любовью, значит, ей больше и мечтать не о чем, и стремиться некуда, и на кого-то еще внимание обращать. «Чем я буду стоять на задних лапках перед одним “господином и повелителем”, – откровенничала Арбатова с журналистами, – пусть лучше пятеро стоят на задних лапках передо мной, а я буду выбирать с учетом моего интереса, моего настроения. Мне это страшно нравится, я считаю, что это – приятно, комфортно и вообще замечательно. Говоря научным языком, я – за полиандрическую семью, то есть за ту, которая была при

матриархате».

Оба свои развода Мария называет социальными. Первый муж не смог по-взрослому отнестись к переменам в стране, впал в депрессию и сбросил на жену все проблемы. Второй брак сломали выборы в Госдуму. В критических ситуациях ей была необходима защита мужа. Она ее не получила. «Когда я развелась с Олегом, – рассказывала Мария, – мои сыновья пошутили: “Мамик, тебе нужен мужик, который был бы сильнее тебя”. А где его взять, ведь Путин уже женат».

В 2002 г., ровно в годовщину свадьбы со вторым мужем – 16 апреля – Мария встретила своего нового избранника. Это произошло в Кремлевском дворце на церемонии вручения премий: «Мы поздоровались за кулисами, потом я увидела его на сцене, совсем немного поговорили, но все уже было ясно... Он попросил записать ему мой мобильный, я записала. Он удивился и спросил: “Зачем ты записываешь мне мой мобильный? Запиши свой”. Выяснилось, что у нас в номерах телефонов не совпадает только одна цифра. Это выглядело как явный сигнал чего-то, идущего помимо нашего контроля. Самое смешное, что этот человек состоит из лучших качеств обоих моих мужей».

Новое увлечение Марии – женатый гражданин США, 55-летний советский эмигрант Александр Раппопорт. Он покинул Россию 12 лет назад, после того как 4 года отсидел в тюрьме и знал, что, если останется, снова окажется за решеткой. Его посадили как врача, отказывавшегося подписывать

психиатрические диагнозы диссидентам. Полгода отработав в США таксистом, Александр подтвердил свою профессиональную квалификацию. Сегодня Раппопорт известнейший психотерапевт русской Америки, ведет программу на радио и ТВ, концертирует как исполнитель шансона.

Интересно, что, к досаде Арбатовой, Раппопорт – не феминист, в отличие от первого и второго мужей: «У него комплекс мужчины, который всегда самый умный, самый сильный и все знает лучше. Он привык к женщинам, смотрящим на него как на Бога». Это серьезная проблема в отношениях, но пока внутри их романа притяжение сильнее гражданской войны. И как два человека, занимающихся психологией, они умудряются договариваться. Марию не смущает, что Александр женат: «Любовь не определяется наличием или отсутствием штампа. В моем паспорте, например, стоит штамп о последнем браке. Но я пока не собираюсь подписывать ни с кем никаких взаимных обязательств. Мне 45 лет, я и так провела в браке по сумме 25 лет, практически большую часть жизни. И мне хочется какое-то время подышать полной грудью».

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА И БОРИС МЕССЕРЕР

Известная поэтесса и талантливый художник соединили свои судьбы, будучи уже не молодыми. До этого в жизни Ахмадулиной было множество романов и два законных брака. Но все они оканчивались разочарованиями, терзаниями, периодами ее отчаянной депрессии и беспробудного пьянства. И только рядом с Борисом Мессерером она смогла обрести тот покой и душевную силу, о которых мечтала. Сегодня она радостно говорит о себе: «Еще жива, еще любима, все

это мне сейчас дано».

Есть поэты, как бы совершенно отдельно живущие от своих стихов. Белла Ахмадулина, в противоположность им, на свои стихи очень похожа. Вольный ветер 1960-х гг., наследство Серебряного века (не зря имя поэтессы часто ставят рядом с именем Марины Цветаевой) навсегда вошли в ее поэзию. Героиня Эльдара Рязанова в фильме «Ирония судьбы... или С легким паром!» на вопрос Ипполита «чьи стихи?» роняет: «Ахмадулиной», а тот с уважением кивает. И так «кивала с уважением» вся страна.

Ее стихи, затаив дыхание, слушали в московском Политехническом институте, расхватывали в книжных магазинах, а потом передавали друг другу «на одну ночь почитать». Сами поэты 1960-х гг. смотрели на Беллу как на неотъемлемую фигуру современного искусства, посвящая ей стихи и песни. Когда она выступала в студии на Моховой (старое здание МГУ), то поистине яблоку негде было упасть. Ее голос завораживал, ее стихи потрясали. Это был почти гипноз.

Изабелла родилась в Москве 10 апреля 1937 г. в семье служащих: Ахата Валеевича Ахмадулина и Надежды Макаровны Лазаревой. В числе ее предков с материнской стороны были итальянцы, осевшие в России, и среди них революционер Стопани, чьим именем был назван переулок в Москве, с отцовской стороны – татары. Но несмотря на такой «интернационал», родители не научили дочь языкам своих предков

по одной простой причине – они сами их не знали. Отец, хоть и родился в Казани, к моменту появления на свет Беллы был уже полностью обрусевшим москвичом, а тамошние родственники, у которых в эвакуации жили Ахмадулины, тоже говорили в основном только по-русски. Мать же о солнечной Италии знала только то, что когда-то оттуда в Россию пешком пришел прадедушка – музыкант-шарманщик со своей ручной обезьянкой.

Ахмадулина начала печататься рано – в 17 лет. Когда ее первые стихи появились в журнале «Октябрь», сразу стало понятно, что в советскую литературу пришел настоящий поэт. Сейчас она называет их наивными, даже нелепыми, однако мэтры тогдашней поэтической элиты заметили молодое дарование, и через некоторое время она получила письмо от поэта И. Сельвинского, в котором он высоко оценил ее талант. Сама Белла позже говорила: «Дело совершенно не в достоинстве этих стихов. Они были беспомощны по форме, но в них просто была некоторая свежесть и несовпадение с мраком, который все-таки многие журналы наполнял и насеял».

В том же 1955 г. талантливую школьницу без колебаний приняли в Литературный институт. Ее друг и писатель Анатолий Приставкин вспоминал, что на стихах, представленных ею в приемную комиссию, стояла резолюция – «Принять».

В институте она была королевой, и в нее были влюблены

все молодые поэты, включая Евгения Евтушенко, который стал ее первым мужем. Он так говорил о своей молодой жене: «У нее был прекрасный дар доброты, и если ей не хватало личных страданий, то она умела страдать страданиями своих друзей, и их опыт становился ее собственным. Она была всегда верным товарищем, сопереживателем». Для нее не существовало неодушевленных предметов, у нее было совершенно особенное отношение к животным и птицам: «Иль неодушевленных нет вещей, иль мне они не встретились ни разу».

От мужа Белла переняла «ассонансную рифмовку», но затем резко повернула в совершенно другую сторону – в «шепоты, шелесты, неопределенность, неуловимость». Но, признавая литературное дарование Ахмадулиной, Евгений Александрович все же не смог ужиться с ней под одной крышей. Видимо, двоим поэтам не хватало «воздуха».

Ее талантом восхищались поэты и старшего поколения – Антокольский, Светлов, Луговской, а вот Пастернака она только однажды встретила – на тропинке, но постеснялась ему представиться. Из-за него у начинающей поэтессы произошел первый конфликт с властью: ее исключили из института, так как Ахмадулина отказалась подписать «письмо творческой интеллигенции», осуждающее «антисоветские» произведения опального мастера.

Однако в 1960 г. Белла все же закончила Литературный институт, а спустя два года вышла первая книга ее стихотворений «Струна». В последующие годы были изданы по-

этические сборники «Уроки музыки», «Стихи», «Метель», «Свеча», «Тайна», «Сны о Грузии» и другие.

Ахмадулина вошла в русскую литературу на рубеже 1950–1960-х гг., когда в стране возник беспрецедентный массовый интерес к поэзии. Причем не столько к печатному, сколько к озвученному поэтическому слову. Во многом этот «поэтический бум» был связан с творчеством нового поколения поэтов – так называемых «шестидесятников». Одним из наиболее ярких представителей этого поколения и стала Белла Ахмадулина, сыгравшая наряду с А. Вознесенским, Е. Евтушенко, Р. Рождественским, Б. Окуджавой огромную роль в возрождении общественного самосознания в стране в период «оттепели».

Когда уже сейчас ее спросили, тоскует ли она по тем временам, поэтесса ответила: «Откровенно говоря, нет. Своих слушателей, до сих пор сохранивших интерес к поэзии, я утешаю: “Это вы скучаете по своей молодости”. 1960-е не были временем поэтического апофеоза, который будто бы создали поэты-шестидесятники. В 1960-м еще был жив Пастернак, Ахматова умерла только в 1965-м. Мы были современниками великих поэтов. Просто это время оказалось переломным в общественной жизни, люди были встревожены, обнадежены, пребывали в смятении чувств. Тогда казалось, что поэты возьмут на себя миссию что-то объяснить людям, провозгласить какие-то новые идеи. Очевидно, поэтому количество слушателей было столь велико, что не под-

давалось исчислению. Мне часто приходилось говорить людям, что поэзия не может рассчитывать на такой успех, она должна быть тем сверчком, который должен знать свой шесток (пусть этот шесток и выше земной суеты). Этот сверчок не должен тягаться по популярности ни с футбольными клубами, ни с эстрадными кумирами, должен рассчитывать только на тех, кому дано услышать его тихую музыку. Эти люди и есть его спасители, его надежда в этом мире».

В 1963 г. у Ахмадулиной возник роман с Василием Шукшиным, который предложил ей сняться в своем фильме «Живет такой парень». Тогда Белла представляла собой тип «нарядной городской дамочки», и именно такая была нужна режиссеру на роль журналистки: «По сценарию журналистка – просто омерзительное существо. Ей все равно, что там происходит на Алтае, ей совсем нет дела до какого-то там Пашки Колокольникова. Она надменна. Она спрашивает и не слышит». Белла тогда сказала: «Василий Макарович, вы очень ошиблись, на самом деле я другая». И поведала ему, как во время вынужденного перерыва в учебе работала штатным корреспондентом «Литературной газеты» в Сибири, как смеялись над ней сталебары или подобные шукшинскому герою люди: «Они были ко мне милостивы, но ужасно ироничны. Разыгрывали меня, сообщали о грандиозных успехах, я мчалась к ним во всю прыть, записывала, но потом оказывалось, что такого быть просто не может. В общем, со мной происходило все строго обратное, чем описано в сценарии».

Шукшин сказал, что ничего менять не надо, а можно играть прямо так, и даже из текста ни слова не выкинул. Но героиня получилась хорошей, не знающей жизни, но наивной и светлой. Во время съемок Белла с Василием подружились: «И дружили потом очень долго. Я его примиряла с Москвой, водила везде. На его гонорар от фильма купили ему костюм, галстук, туфли. Помню, тогда же выкинули в мусоропровод его кирзовые сапоги, в которых он неизменно ходил. Он был замечательный и в то же время всегда несчастный... Действительно, мы с Василием – разные люди, но эта разность зарядов, видимо, и притягивала. Он, при огромном таланте, страшно мыкался, особенно в первые его московские годы: представьте, каково было здесь человеку из деревни да еще сыну репрессированных. Все это прибавляло сложностей, комплексов. Мне очень хотелось поглубже втянуть его в чтение, например, чтобы он не считал Бориса Пастернака “слишком интеллигентским”»...

Через некоторое время Ахмадулина вышла замуж за писателя Юрия Нагибина. Роман был бурным, но они расстались, как писала Белла, «без жалости и интереса». Эта любовь, по свидетельству знакомых Нагибина, занозой сидела в нем всю жизнь. Может быть, поэтому в своем «Дневнике», который вышел в 1995 г., писатель дал не самуюлицеприятную характеристику бывшей жене: «Мечется в сердечном спазме, с мокрым от слез, разбитым в синь мною личиком, в коротких штанишках и полосатой кофточке Гелла... [Так он

ее называл]. Ахмадулина растекается, как пролитая на столешницу водка... Она не была ни чистой, ни жертвенной, дурное воспитание, алкоголизм, богема, развращающее влияние первого мужа, среда изуродовали ее личность, но ей хотелось быть другой, и она врала не мне, а себе...»

Потом Белла безоглядно влюбилась в другого литератора – Геннадия Мамлина, сердцеда, из-за которого женщины чуть ли не выбрасывались из окон. Калибром таланта этот драматург не дотягивал ни до Евтушенко, ни до Нагибина, ни до самой Ахмадулиной, поэтому в ее жизни очень скоро возник другой молодой красавец и ловелас – сын знаменитого Кайсына Кулиева, Эльдар. От него у Беллы родилась дочь Елизавета и остались строчки: «Мы погибли, погибли, Эльдар». За этим последовали разочарования, терзания, запои... В этот период отчаяния и пьянства поэтессы, происходящего часто на глазах «литературной общественности», поэт Винокуров произнес ставшую известной фразу: «В Доме литераторов лежала Белла в собственном соку».

Но в начале 1970-х гг. в ее жизни произошел коренной перелом – она встретила театрального художника Бориса Мессерера, с которым не расстанется до сегодняшнего дня: «Еще жива, еще любима, все это мне сейчас дано...»

Ее последний муж родился в Москве 15 марта 1933 г. и, как и Белла, принадлежал к тому талантливому и дерзновенному поколению «шестидесятников», которое вторглось в литературу, театр, изобразительное искусство, с тем что-

бы избавить их от оков официальных канонов. Художник генетически был связан с театром, поскольку происходил из знаменитой династии, подарившей русскому балету талантливейших артистов. Среди них сияют имена его отца, неповторимого танцовщика и педагога Асафа Мессерера, кузины – блистательной Майи Плисецкой и дяди – чудесного актера и педагога МХАТа Азария Азарина. Мать Бориса, Анель Судакевич, была известной актрисой немого кино, а позднее художницей по костюмам.

В характере Мессерера рано проявилась независимость. Вопреки семейным традициям, в 1956 г. он окончил Архитектурный институт, где графику преподавал суровый Дейнека, и одновременно посещал мастерскую тончайшего Фонвизина, но формировался по-своему, вне подчинения учителям. Борис пришел в театр, чтобы вольно строить там свою сценическую архитектуру. Он оказался одним из немногих продолжателей классического театрально-декорационного искусства, а первой вехой в его творческой судьбе стал новорожденный московский театр «Современник». Здесь со своими друзьями-единомышленниками в атмосфере молодого задора и бурлящей энергии он придумывал для постановок необычные объемно-пространственные декорации.

В 1963 г. Мессерер дебютировал как театральный художник на сцене Большого театра в балете «Подпоручик Киж» на музыку С. Прокофьева. В этой работе он сразу заявил об особом подходе к оформлению спектакля, отличавшемся

от общепринятого в декорационном искусстве. Заключался этот подход в том, что если обычно любого вида декорация так или иначе изображает место действия, то Борис сочинял графические композиции, которые несут в себе образ спектакля и тем самым обретают значение самостоятельных визуальных «персонажей».

Графический тип театрального мышления проявился и в решении Мессерером балета «Кармен-сюита» Ж. Бизе – Р. Щедрина, поставленном в 1967 г. Здесь основу оформления составлял образ цирковой арены, над которой нависала гигантская черная маска быка, очерченная полукругом дощатой стены. Над стеной острыми силуэтами возвышались черные спинки расставленных на ее кромке испанских стульев – сидевшие на них персонажи играли роли не только зрителей корриды, но одновременно и судей, вершивших суд над героиней. Аналогичный двойной смысл имели и все остальные элементы оформления: «арена корриды является ареной жизни», «маска быка над ареной должна восприниматься временами просто как реклама корриды, но когда загораются глаза быка и на него падает багровый свет, надо, чтобы эта маска читалась как синоним Рока».

Когда Борис познакомился с Беллой, он даже не знал, что она поэтесса, и, естественно, не слышал ее стихотворений: «Ни одного. Просто увлекся ею как прекрасной дамой. Потом я полюбил ее стихи. Но это было гораздо позже». Стихи его жены советская власть запрещала. Но так сложилось, что

та же власть сделала ей некоторую рекламу, публикуя фельетоны о ней. Сама Ахмадулина считала, что «известность во все не обязательный спутник таланта. Очень часто известность – это результат дурного читательского вкуса и рыночных устремлений издателей. Бывает, что таланту сопутствует слава, а может быть, он умирает в безвестности».

Потом были запреты на публикации, и ей долгое время не разрешали выезжать за границу. В период застоя Ахмадулину печатали крайне редко, большинство ее стихов вообще не доходило до читателей. Однако компенсацией творческого вакуума стали фильмы Эльдара Рязанова, в которых ее стихи читали или пели главные героини. Актриса Светлана Немоляева вспоминала: «Эльдар Александрович, когда было озвучание, принес мне листочки. Я помню точно, что это не было издано, это было просто написано ее рукой».

Поэзию Ахмадулиной называли «аполитичной», но она скорее антиполитична. У ее стихов «Елабуга», «Варфоломеевская ночь», «Сказка о Дожде» не отнимешь особой гражданственности, проникнутой презрением ко всему тому, что называется «политикой», унижающей и уничтожающей людей. Хрупкая, нежная рука Ахмадулиной подписала все письма, которые только можно припомнить, в защиту диссидентов и многих других попадавших в беду людей. Она ездила в горьковскую ссылку к Сахарову, найдя в себе мужество пробиться сквозь милицейский кордон.

А их дом с Борисом – так называемый «Чердак на Повар-

ской», где располагалась творческая мастерская художника, по словам Василия Аксенова, «совмещал в себе идеи мастерской, жилья и непрекращающегося театра. Борис Мессерер на своем чердаке был и является катализатором творческой энергии».

«Поварская, 20» – это не просто московский адрес, это неформальная академия искусств, союз литературы, изобразительного искусства и музыки. Здесь собирались и собираются представители подлинной творческой элиты, признанные на государственном уровне или популярные только в народной молве, но они связаны между собою бескомпромиссным чувством внутренней духовной свободы. Не случайно «дом Бори и Беллы» стал колыбелью альманаха «Метрополь», в выпуске которого принимали участие писатели В. Аксенов, А. Битов, Ф. Искандер, Б. Ахмадулина, В. Высоцкий, Е. Попов, В. Ерофеев и др.

В доме на Поварской уже более 30 лет несколько художественных ателье не только существуют, но и образовали со временем неформальное течение, которое условно можно назвать Школой «Поварская, 20». Здесь, по словам самого Бориса, основной составляющей является «скорее пластическая, нежели концептуально-сюрреалистическая линия». Подобные объединения «по интересам» возникали как насущная необходимость в узловые моменты развития культуры. Их история идет от Салона мадам де Сталь до редакции журнала Гийома Аполлинера, более родственным анало-

гом представляется знаменитая петербургская «Башня» Вячеслава Иванова.

В 1990-х гг. Мессерер работал главным художником МХАТа имени А. П. Чехова. Вообще же за более чем 30-летнюю жизнь в театре он оформил свыше 100 спектаклей в театрах Москвы, Ленинграда, других городов России и Восточной Европы, успел много и результативно поработать с крупнейшими российскими и зарубежными режиссерами разных поколений, среди которых О. Ефремов, Б. Покровский, А. Эфрос, А. Гончаров, В. Плучек, В. Чабукиани, Г. Волчек, М. Захаров, А. Алонсо и многие другие.

В 1999 г. Борис вновь работал с Большим театром. В балетной постановке «Конек-Горбунок» на музыку Р. Щедрина художник создал великолепный образец современного декорационного оформления спектакля – в виде развернутого по всему объему сценического пространства «лоскутного одеяла», собранного из сотен фрагментов разнообразного рисунка, формы и цвета, в том числе и из перьев Жар-птицы. Помимо балетных спектаклей в Москве Борис оформил оперу «Пиковая дама» в Лейпциге, балеты «Клоп» и «Левша» в Мариинском театре оперы и балета Санкт-Петербурга.

Одновременно Мессерер – своеобразный живописец и отличный декоратор, полотна и графика которого сродни театру. В 2002 г. в Москве проходила выставка его работ, выполненных в новой технике станковой графики. В основном это двухметровые офорты, изображающие содержимое ста-

рых чуланов: бутылки, керосиновые лампы, пилы и ножовки. Эти «персонажи» повторяются из работы в работу, меняются только их расположение и количество. Такой однообразный подход к натюрморту вызывал у неподготовленной публики некоторое недоумение.

Но если располагать хоть какой-нибудь информацией о художнике, то многое становится понятно. Целью своего творчества он считает «преображение обычных вещей», и с этой точки зрения стаканы и ножовки являются для него не просто хламом, но героями картин, в которые нужно долго вглядываться, чтобы распознать их жизнь, ритм, мелодию и тому подобные «высокие ипостаси», доступные только «особо творческим личностям». Рядовым зрителям эта информация тоже полезна, потому что без нее они просто ходят и наблюдают, что на всех картинах изображены «пилы и бутылки». А с ней – начинают искать смысл в том, отчего там три бутылки, а здесь – больше; и отчего на одной картине пила стоит, а на другой – лежит. Через какое-то время зритель начинает чувствовать и ритм каждой композиции, и ее атмосферу, и уже никому в голову не придет сказать, что все работы одинаковые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.